

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Благодарзумов Н., прот.

СВ. ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ КАК БОГОСЛОВ- ЕСТЕСТВОУЧИТЕЛЬ

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВ. ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ,

КАКЪ БОГОСЛОВЪ-ЕСТЕСТВОУЧИТЕЛЬ.

ПРОТОПЕРЕЙ НИКОЛАЙ БЛАГОРАЗУМОВЪ.

МОСКВА.

Типографія А. И. Снегиревой, Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ.

1891.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Москва. Ноября 8 дня. 1891 года.

Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

Изъ Книжки чтенія въ „Общ. Люб. Дух. Просв.“ за Ноябрь—Декабрь
1891 года.

Св. Василій Великій, какъ богословъ-естествоучитель.

„Естество сущихъ уяснилъ еси“ (изъ тропаря святителю).

„Міръ сей, говоритъ св. Василій Великій, есть училище разумныхъ душъ, въ которомъ преподается имъ боговѣдѣніе, и чрезъ видимое и чувственное руководствуетъ умъ къ созерцанію невидимаго“ (Бес. 1 на шестодневъ стр. 10, въ твор. свв. отц. т. V кн. 4, 1845 г.). Двери этого училища всегда были отверсты для человѣка, и онъ, по естественной любознательности ума своего, входилъ въ него и прислушивался къ громогласнымъ урокамъ природы. „Знай, проповѣдывалъ въ свое время народный философъ-Сократъ, что невозможно видѣть лица боговъ; довольно съ тебя видѣть дѣла ихъ, чтобы поклоняться имъ и чтить ихъ. Тотъ, кто устроилъ и объемлетъ весь міръ, въ комъ вся красота и благо, созерцается въ своихъ великихъ дѣлахъ, но невидимъ въ своемъ домостроительствѣ“ (Xenoph. Memorab. IV, 3, 13—14; ср. слова Аристотеля у Цицерона: De natura Deor. II 37). Такъ относился къ видимому міру, такъ понималъ значеніе его для духовной жизни человѣка умный и благонамѣренный язычникъ. Съ появленіемъ христіанства, которое „не только благотѣтельно дѣйствовало на всѣ классы народа въ великомъ дѣлѣ общаго развитія человѣчества, но и расширяло возрѣніе на природу“ (слова А. Гумбольдта въ „Космосѣ“ ч. II стр. 21), — съ появленіемъ христіанства, говоримъ, въ природѣ открылось для насъ много какъ-бы новыхъ сторонъ, и вотъ мы видимъ, что христіан-

скіе писатели обращаются къ ней для объясненія различныхъ истинъ своею вѣрой не только теоретическихъ или догматическихъ, но и практическихъ, право—учительныхъ. Вслѣдъ за библейскими (новозавѣтными) писателями начали дѣлать это и свв. отцы церкви на самыхъ первыхъ порахъ христіанства. Такъ уже изъ мужей апостольскихъ — св. апостоль Варнава свойствами различныхъ, такъ называемыхъ, *нечистыхъ* животныхъ доказываетъ, что „заповѣди Моисея о яствахъ должно понимать въ духовномъ смыслѣ“ (10 гл. его Послан.)¹⁾; св. Климентъ, епископъ римскій, убѣждая коринѳянъ къ сохраненію взаимной любви и мира церковнаго, „гармонією міра и стройностью природы внушаетъ имъ, что Богъ любитъ миръ и согласіе“ (20 гл. Посл.

1) Въ посланіи ап. Варнавы не мало естество—историческихъ невѣрностей, замѣченныхъ еще Климентомъ александрійскимъ (Paedag. I. 11. сл. 10); такъ напр., будто „въ тѣлѣ зайца ежегодно бываетъ веремѣна, противная естеству всѣхъ прочихъ животныхъ, будто гена также ежегодно измѣняетъ свою природу и бываетъ то мужскаго пола, то женскаго, или будто хорь (или хорекъ) отступаетъ отъ общихъ законовъ въ зачатіи плода“ (т. е. рождаетъ дѣтей изъ рта, каковое мнѣніе взялось, вѣроятно, съ неяснотаго наблюденія надъ хорькомъ (иначе еще ласка), котораго часто видали переносящимъ въ зубахъ своихъ дѣтенышей съ одного мѣста на другое, равно какъ и мнѣніе о происходящей ежегодно противоестественной перемѣнѣ въ тѣлѣ зайца, который, какъ извѣстно, линяетъ, т. е. зимой бываетъ бѣлымъ, а лѣтомъ сѣрымъ). Эти невѣрности, допущенныя апостольскимъ мужемъ, объясняются тѣмъ, что Варнава, назначая свое Посланіе христіанамъ изъ язычниковъ, къ настоящему случаю пользовался сочиненіями языческихъ писателей, какъ хорошо извѣстными его читателямъ, напр. „Естественной исторіей“ Плинія старшаго, „Исторіей животныхъ“ Аристотеля, Эліана Клавдія и друг., гдѣ подобныя странности выдаются за положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія.—Извѣстно, что церковь никогда не приписывала никакого особеннаго авторитета святоотеческимъ твореніямъ, не относящимся непосредственно къ существу христіанской религіи, напр. твореніямъ по части наукъ философскихъ, или естественныхъ (какъ и библейскимъ сравненіямъ съ подобнымъ содержаніемъ или направленіемъ); но съ другой стороны, очевидно, было бы крайне несправедливо обвинять свв. отцевъ за нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія объ естественныхъ предметахъ, когда, какъ мы сейчасъ замѣтили, не менѣе ошибочно думала объ этихъ предметахъ и современные имъ ученые историки и изслѣдователи природы. Требовать отъ отцевъ церкви большаго значило бы въ такомъ случаѣ требовать преждевременнаго и даже невозможнаго; не въ томъ главная заслуга свв. отцевъ для церкви, не въ томъ мы обязаны и покорностью ихъ авторитету.

его къ коринѣ.), а „въ постоянной смѣнѣ дня и ночи, въ процессѣ произрастанія плодовъ земныхъ“ (гл. 24), равно какъ и въ миеологической птицѣ - фениксѣ (гл. 25) указываетъ имъ „образы будущаго воскресенія изъ мертвыхъ“²⁾; наконецъ св. Ермъ въ своемъ „Пастырѣ“, развивая въ апокалиптико-символической формѣ многія догматическія и нравственныя мысли, вообще приучаетъ христіанина вездѣ въ мірѣ Божіемъ видѣть для себя нравственные уроки, вращаться въ природѣ, какъ въ живомъ храмѣ Божіемъ и все дѣлать во славу Божію. — Но все это лишь частныя примѣры, такъ сказать, эпизоды изъ естественной исторіи съ христіанской точки зрѣнія. Такъ было до самаго IV вѣка, и подобные опыты — не больше — встрѣчаются даже въ такихъ произведеніяхъ отеческой письменности, какъ „Толкованія на книгу Бытія“ напр. Оригена и Ипполита, которыя вошли впослѣдствіи въ „Шестодневъ“ св. Амвросія медиоланскаго³⁾. Съ началомъ христіанской свободы и вмѣстѣ съ началомъ христіанской учености кругъ вѣдѣнія духовнаго всесторонне расширяется, и церковные писатели берутся рѣшать съ христіанской точки зрѣнія различные философскіе вопросы (а подъ философією тогда разумѣли

²⁾ Миеологическое сказаніе объ этой птицѣ таково: „она рождается только одна, т. е. одною особью, и живетъ по пяти сотѣ лѣтъ. Приближаясь къ смерти, она изъ ливана, смирны и другихъ ароматовъ дѣлаетъ себѣ гнѣздо, въ которое входитъ и умираетъ. Изъ согнивающего же тѣла рождается червь, который, питаясь влагою умершаго животнаго, оперяется“ и т. дал. (Сл. Амврос. мед. Шестодн. I. V с. 23. Очень сходное сказаніе о фениксѣ находится у Геродота (11—73).

³⁾ Мы говоримъ такъ, не касаясь самихъ началъ космогоническихъ, которыя у Оригена науч., какъ извѣстно, довольно различны отъ обыкновеннаго, общепринятаго образа представленія. Не касаемся же этого вопроса потому, что Василій Великій не разсуждаетъ о началахъ міросозерцанія, но, строго держась библейскихъ началъ, какъ данныхъ уже, объясняетъ лишь частныя пункты исторіи міротворенія и потомъ разсматриваетъ явленія природы въ свѣтѣ Божественнаго откровенія. — Въ другихъ сочиненіяхъ древнихъ отцевъ мы находимъ или только аналогію исторіи міротворенія, какъ (во второй изъ трехъ) „Книгѣ о вѣрѣ“ Теофила антиохійскаго (§§ 23—28), или разсужденія собственно о происхожденіи и судьбѣ міра, какъ въ „Трактатѣ о природѣ“ Діонисія александрійскаго — у Евсевія (Praeparat. Evang. XIV с. 23—27, —рус. пер С. Муретова въ майск.—юн. кн. „Прав. Обзор.“ 1891 г.) и т. под.

всѣ вообще, такъ называемыя, свободныя, нынѣ свѣтскія науки: и фѣзику, и астрономію, и психологію и т. д.). И вотъ знаменитѣйшіе изъ отцевъ церкви—Василій Великій, Григорій нисскій и Амвросій медиоланскій пишутъ обширныя *систематическія* Бесѣды на „шестодневъ“, гдѣ съ изъясненіемъ словъ бытописателя соединили они глубокія филозофскія (метафизическія) и физическія изслѣдованія природы, сопровождая ихъ притомъ духовно-нравственными наставленіями. Конечно эти великіе пастыри хотѣли своими трудами удовлетворить потребностямъ современныхъ имъ христіанъ, и дѣйствительно у нихъ можно находить ясныя свидѣтельства того, что многіе изъ ихъ пасомыхъ интересовались тѣми или другими вопросами науки и думали такъ либо иначе примирять ихъ съ Божественнымъ Откровеніемъ. Такъ св. Григорій нисскій говоритъ, что нѣкоторые, не понимая хорошо цѣли Бесѣдъ Василя Великаго, жаловались на то, что онъ одни изъ вопросовъ міротворенія разсматривалъ не довольно полно, а другіе и совсѣмъ проходилъ молчаніемъ (Шестодн. его стр. 3). И самъ Василій часто предупреждаетъ своихъ слушателей, представляя ихъ людьми мыслящими и весьма любознательными: „конечно никто изъ васъ, хотя онъ много работалъ умомъ и хорошо пропикъ во все, что касается сего тлѣннаго и текущаго естества (воды), никто, говорю, не нападетъ на ту мысль, будтобы мы вопреки разуму предполагаемъ что нибудь невозможное и вымышленное, и не потребуемъ отъ насъ изысканій о томъ, на чемъ было утверждено водное естество“ (Бес. 3 стр. 49; сл. Бес. 9 стр. 170); въ другомъ мѣстѣ астрологическія (гороскопическія) заблужденія онъ называетъ современными, которыми „заражены многіе“ (Бес. 6 стр. 107 — (8⁴)).—Въ виду усиленнаго, но часто односторонне—мате-

---

4) Въ Бесѣдѣ о томъ, что „Богъ не-виновникъ зла“ онъ также свидѣтельствуемъ, что въ его время часто повторялись вопросы: „отъ чего бѣдѣзни? отъ чего преждевременная смерть? Отчего истребленіе городовъ, кораблекрушенія, войны, голодныя времена?“ А это опять показываетъ, что умы современниковъ его сильно заняты были подобными вопросами (Твор. свв. отц. ч. IV кн. 3 Бес. 9 стр. 144, 1846 г.; ср. Шестодн. Бес. 2 стр. 30).

ріалістическаго изученія естественныхъ наукъ въ наше время (недостаточность основаній для матеріалистическихъ гипотезъ, противорѣчіе ихъ самимъ себѣ, скороспѣлость заключеній и крайность выводовъ) не бесполезно, думаемъ, указывать занимающимся ими на святоотеческіе труды по части этихъ наукъ для подражанія духу и направленію ихъ, для приученія ума данныя науки освѣщать и согласовать съ истинами Библейско-христіанской религіи (какъ этого требоваль и первый нашъ — русскій естествоиспытатель, гениальный Ломоносовъ, — см. статью подъ заглавіемъ: „Голосъ перваго русскаго естествоиспытателя объ отношеніи естествознанія къ религіи“ проф. М. Д. Академіи Г. Воскресенскаго въ ноябр. и дек. книжкахъ „Душепол. Чтенія“ 1890 г.)⁵⁾.

Для ознакомленія съ характеромъ и пріемами отцевъ — естествоиспытателей мы остановимся на „Шестодневѣ“ одного св. Василя Великаго, потому что Григорій нисскій имѣлъ собственно цѣлю въ своемъ „Шестодневѣ“ разсмотрѣть нѣкоторые вопросы, будтобы (по мнѣнію нѣкоторыхъ, какъ мы видѣли выше) неудовлетворительно рѣшенныя братомъ его⁶⁾, а св. Амвросій медіоланскій болѣе, чѣмъ руковод-

⁵⁾ Удивительнѣе всего то, пишетъ д-ръ Фарраръ, что возстаніе, борьба противъ сверхъестественнаго, отрицаніе Божества чаще, чѣмъ въ другихъ, проявляется въ людяхъ, изучившихъ природу! Странно, что невѣрованіе въ Бога оказывается въ томъ, что глубоко позналъ его твореніе; странно, что отрицаютъ Его содѣйствіе тѣ, которые больше другихъ видятъ Его чудеса (Григорій Бог. Ном. XXVI)! Между тѣмъ какъ нѣкогда величайшіе изслѣдователи природы были смиреннѣйшими поклонниками Божества, потому что въ „хорахъ свѣтилъ небесныхъ и въ томъ, что наполняетъ землю“ они познали всю бездну невѣдѣнія человѣческаго. „Ужасомъ наполняетъ меня вѣчное молчаніе этихъ невѣдомыхъ пространствъ“, восклицаетъ Паскаль, а вѣтреное богохульство и гордость настоящихъ временъ осмѣливается говорить: „небеса повѣдають теперь не славу Боژیю, а славу Ньютона и Кеплера“ (Фейербахъ) (Историч. свѣдѣтельства объ І. Христі въ пер. О. Матвѣева, лекція I стр. 24—25) Однакожь мы не можемъ не прибавить, что вопреки волѣ естествоислѣдовъ, „эмансипировавшихся“ отъ всякой вѣры въ Бога, съ теченіемъ времени, въ ихъ же собственныхъ рукахъ все болѣе и болѣе накаплиются такіе факты и открытія, которыя служатъ недвусмысленнымъ оправданіемъ откровенно—христіанскаго міровоззрѣнія.

⁶⁾ Между прочимъ: „какъ согласить сказаніе бытописанія, что солнце было сотворено уже въ четвертый день, тогда какъ появленію его предшествовали три дня и три ночи, и какимъ образомъ св. апостолъ Павелъ могъ быть восхищенъ

ствовался Бесѣдами Василія. — Что же мы находимъ въ Бесѣдахъ послѣдняго? *Прежде всего* Василій Великій является въ своихъ Бесѣдахъ на „шестодневъ“, какъ и естественно, *богословомъ и учителемъ благочестія*, бесѣдующимъ съ народомъ съ церковной кафедры. Онъ хочетъ собственно „исслѣдовать точность реченій и рассмотреть многозначительность немногихъ словъ“ библейскихъ о твореніи міра (Бес. I стр. 1—2) и, имѣя въ виду „одну цѣль — все обращать въ назиданіе церкви“ (Бес. 7 стр. 132), старается о томъ лишь, чтобы „не уклониться отъ намѣренія Писанія“ (Бес. 2 ст. 21); а „внѣшнія ученія, т. е. ученія изслѣдованія о природѣ оставляетъ внѣшнимъ“ (Бес. 3 стр. 45), и вообще поставляетъ для себя правило: „простота вѣры да будетъ крѣпче доказательствъ отъ ума“ (Бес. 1 стр. 18) ⁷⁾. Съ другой стороны, онъ прямо ставитъ вопросы въ родѣ слѣдующаго: „разумъ спрашиваетъ, сотворена ли тьма вмѣстѣ съ міромъ и первоначальнѣе ли она свѣта“ (Бес. 2 стр. 31), и замѣчаетъ: „исторія (міротворенія) не коснулась сего (стихій земныхъ); чтобы пріучить умъ нашъ къ самодѣятельности и дать ему случай по немногимъ даннымъ дѣлать заключенія и о прочемъ“ (Бес. 2 стр. 26) ⁸⁾; а естественныя свѣдѣнія старается подтверждать наблюденіями опыта: „на возраженіе, будтобы ученіе о нашемъ міротвореніи противорѣчитъ опыту, можно сказать многое“ и проч. (Бес. 4 стр. 67; сл. Бес. 3 стр. 45) ⁹⁾. Такимъ образомъ во

до третьяго неба, когда книга Бытія говоритъ только о двухъ небесахъ. Рѣшеніе ихъ увидимъ впоследствии.

7) Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „отринувъ обьюродѣвшую мудрость, вмѣстѣ съ нами прими ученіе истинны, хотя и неученое по слову, но непогрѣшительное въ познаніи“ (Бес. 3 стр. 52). Или еще: „простоту и неприготовленность духовнаго ученія никто да не сравниваетъ съ интливостью лбомудрствовавшихъ о небѣ... Ибо внѣшніе вводятъ въ ученія натянутое правдоподобіе; а здѣсь предлагается истина, обнаженная отъ всякихъ измышленій ума“ (Бес. 3 стр. 56).

8) Въ предисловіи къ „Толкованію на пр. Исая“ святитель также говоритъ между прочимъ. „Творецъ и въ Писаніи намѣренно допустилъ неясность къ пользѣ ума, чтобы возбуждать его дѣятельность“ (ч. II стр. 11, 1853 г.).

9) Что касается этихъ наблюденій, то надобно замѣтить, что они вообще берутся изъ опыта самаго обиденнаго и извѣстнаго всѣмъ и каждому и отли-

оторыхъ великій святитель является въ своемъ „Шестодневѣ“ естествоучителемъ, сообщающимъ намъ не мало и научныхъ свѣдѣній о предметахъ видимаго міра, такъ что онъ можетъ служить для насъ въ нѣкоторой степени какъ

чаются сколько необыкновенною простотою и наглядностью (мы не говоримъ еще теперь о неподражаемой примѣнимости нравственныхъ уроковъ изъ царства животныхъ), столько же глубиною и смѣлостью соображеній и выводовъ, такъ что дѣйствительно, какъ говорить св. Григорій висскій, и „простые слушатели архипастыря могли хорошо понимать его Бесѣды, и мудрые удивляться имъ“ (Шестодн. его стр. 5). Пислушайте напр., какъ онъ объясняетъ происхожденіе дня и ночи: „вывѣ, по сотвореніи уже солнца, день есть освѣщеніе воздуха солнцемъ, которое сіяетъ въ полушаріи, лежащемъ надъ землею, а ночь—покрытіе земли тѣнью, когда скрывается солнце. Но тогда (въ первые три дня міроздаія) не по солнечному движенію, но потому, что первобытній свѣтъ въ опредѣленной Богомъ мѣрѣ то разливался, то опять сжимался, происходилъ день и слѣдовала ночь“ (Бес. 2 стр. 36). Или напр. текучесть (разширяемость) воды: „вода, доколѣ стоитъ на ровномъ мѣстѣ, неподвижна, потому что некуда ей течь; а какъ скоро встрѣтитъ какую-либо покатость, по немедленномъ устремленіи передней части, на мѣсто ея вступаетъ непосредственно съ нею соединенная, а на мѣсто сей послѣдней—за нею слѣдующая; и такимъ образомъ непрестанно предшествующая часть убѣгаетъ, послѣдующая же гонитъ ее. И стремленіе ея бываетъ тѣмъ быстрее, чѣмъ большую тяжесть имѣетъ, падающая внизъ, вода и чѣмъ больше впадина, въ которую стокъ“ (Бес. 4 стр. 63). Или еще вотъ какими сравненіями пользуется онъ при объясненіи поглощенія влаги теплотою: „ты не вѣришь множеству воды, а не обращаешь вниманія на множество теплоты, которая и въ маломъ количествѣ имѣетъ силу истреблять много влажности. Ибо она притягиваетъ влагу, подверженную ея дѣйствію, какъ видно въ рожжѣ, всасывающей кровь; притянутую же влагу истребляетъ подобно огню въ сѣтлѣнникѣ, который, всасываемое посредствомъ свѣтлѣни, горячее вещество тотчасъ, по измѣненіи его, сжигаетъ“ (Бес. 3 стр. 53). Таковы же у него—простое и въ высшей степени умное, практичное объясненіе слова—начало (Бес. 1 стр. 9—12), или доказательство того, что вмѣстѣ съ небомъ и землею, составляющими цѣлую „сущность вселенной“, сотворены и стихіи: огонь, вода и воздухъ (стр. 12—13), названныя такъ (отъ „στέγω χυνοῦ идю“) „по причинѣ взаимнаго согласія и соответствія“ (Бес. 4 стр. 71), также доказательство величины солнца, которое нашему глазу представляется малымъ кругомъ (Бес. 6 стр. 114), и воздушныхъ перемѣнъ, отъ него зависящихъ (стр. 102—3), или еще прекрасное разсужденіе объ основаціяхъ земли (Бес. 1 стр. 15—16), о тѣмъ, застилавшей собою первозданную землю (Бес. 2 стр. 27—33), также о необходимости огня и воды въ мірѣ (Бес. 3 стр. 49—55) и проч.

бы представителемъ, современныхъ ему, ученыхъ естествоиспытателей ¹⁰⁾).

Что касается *эстетическаго мотива* въ „Шестодневъ“ св. Василя Великаго, то это—любовь къ природѣ глубоко нѣжная, а по мѣстамъ и грустно задумчивая, одушевляемая и растворяемая религіознымъ созерцаніемъ. Мы не можемъ лучше охарактеризовать разсматриваемое твореніе съ этой стороны, какъ приведши слѣдующія слова, сейчасъ помянутаго, великаго Гумбольдта, который, по собственному его сознанію, питалъ къ автору его особенную любовь съ раннихъ поръ своей жизни: „проповѣди Василя на „Нехастегон“ свидѣтельствуютъ объ его чувствѣ природы. Онъ описываетъ кротость вѣчно ясныхъ почей въ Малой Азіи, гдѣ, какъ онъ выражается, звѣзды, „эти вѣчные небесные цвѣты“, поднимаютъ духъ человѣка отъ видимаго міра къ невидимому (Бес. 6 стр. 96—7). Выхваляя въ разсказѣ о сотвореніи міра „красоту моря, онъ описываетъ видъ безграничной морской поверхности въ ея различныхъ измѣнивыхъ положеніяхъ: какъ она, тихо колеблемая дуновеніемъ вѣтровъ, принимаетъ то бѣлый, то синій, то красноватый цвѣтъ, какъ въ своей кроткой игрѣ она ласкаетъ берега“ (Бес. 4 стр. 72; Космосъ ч. II стр. 24) ¹¹⁾.

¹⁰⁾ „Шестодневъ“ св. Василя справедливо можно назвать такимъ же сводомъ свѣдѣній по естествознанію для христіанъ IV вѣка, какимъ для нашего времени служить *Космосъ* Гумбольдта“ (проф. К. Д. Академіи Ф. Терновскій въ своей „Церковной Исторіи“ т. II стр. 191).

¹¹⁾ „Христіанское настроеніе сердца, говоритъ онъ еще нѣсколько прежде, заставилъ доказывать величіе и благодать Создателя на основаніи всемірнаго потока и красоты природы... Творецъ—такъ учатъ отцы церкви на своемъ искусномъ, часто поэтическомъ и украшенномъ фантазіей языкѣ—великъ столько же въ мертвой природѣ, какъ и живой въ дикой борьбѣ стихій, какъ и тихой работѣ органическихъ образованій“ (стр. 21—22). Святые друзья—Василій Вел. и Григорій Бог.—„отличались тою восторженною любовію къ природѣ, пишетъ еще и Фарраръ, которая обыкновенно считается отличительною особенностью новѣйшаго времени. Говоря напр. однажды проповѣдь въ воскресенье послѣ Пасхи, послѣдній съ истиннымъ удовольствіемъ изображаетъ наступленіе весны. „Царица временъ года (говоритъ онъ) совершаетъ торжественную процессію для царицы дней“, и затѣмъ говоритъ объ яркомъ небѣ, болѣе блистательномъ свѣтѣ солнца, болѣе привѣтливомъ сіяніи луны, о болѣе чистомъ хорѣ звѣздъ, болѣе полномъ теченіи потоковъ, о набуханіи почекъ, о зеленію-

Порядокъ расположенія Бесѣдъ въ „Шестодневѣ“ Василия Великаго соотвѣтствуетъ повѣствованію Бытописателя о сотвореніи міра; и вотъ общій очеркъ предметовъ, трактуемыхъ въ этихъ Бесѣдахъ. Въ 1-й и 2-й Бесѣдахъ св. отецъ говоритъ о сотвореніи неба и земли и объ устройствѣ послѣдней, въ 3-й Бесѣдѣ о тверди, въ 4-й о собраніи водъ, въ 5-й о прозябеніяхъ земли, въ 6-й о сотвореніи небесныхъ свѣтилъ, въ 7-й о пресмыкающихся, въ 8-й о птицахъ, въ 9-й наконецъ о животныхъ земныхъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ разсужденія ученаго святителя о происхожденіи міра вообще и—затѣмъ о царствѣ животномъ.

Въ первомъ случаѣ св. Василий предпринялъ доказать временное происхожденіе,—а отсюда и копечность — видимаго нами міра противъ нѣкоторыхъ древнихъ натуралистовъ и еретиковъ, мнѣнія коихъ, какъ видно, повторялись и во времена Василия¹²). Не считая нужнымъ „обличать“ всѣ ученія древнихъ мыслителей о происхожденіи міра, потому что они сами себя „обличаютъ и низлагаютъ“, когда „послѣдующимъ ученіемъ всегда ниспровергалось предшествовавшее“, — св. Василий Великій останавливается лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ — главнѣйшихъ.

Такъ пазываемую теорію *прежисистентатизма* — какъ бы вѣчнаго и самобытнаго существованія міра — Василий Великій беретъ въ обоихъ моментахъ первоначальнаго *физическаго* направленія греческой философіи (*космологическомъ* — по преимуществу и затѣмъ *антропоморфическомъ*) и преслѣдуетъ

щей травѣ на лугахъ и объ изобиліи молодыхъ ягнятъ. Онъ описываетъ, какъ на корабляхъ матросы съ пѣснями развѣтываютъ свои паруса для благопріятнаго вѣтра, а дельфины весело прыгаютъ и скачутъ вокругъ кораблей; воли надѣваютъ ярмо для пашни, подъ тѣнью деревь раздаются пѣсни пастуховъ, терпѣливые рыболовы сидятъ на скалахъ, пчелы собираютъ медовые цвѣты, птицы вьютъ себѣ гнѣзда и вся слава міра восхваляетъ Бога голосами неизреченными“ (Слово XLIV на недѣлю новую ч. IV стр. 149—151, 1844 г.; „Вселенскіе отцы церкви“ изъ новаго сочиненія Фаррара въ пер. Лопухина, въ апр. кн. „Страница“ 1890 г. стр. 525—6).

¹²) Напр. маркіонитовъ, валентиніанъ и манихеевъ, разумѣвшихъ подъ *тмою вергу бездны* злую силу, кака начало самобытное и вѣчно существующее, противоположное и противодействующее Божіей благодати (отраженіе т. наз. восточно-персидскаго дуализма,—Бес. 2 стр. 27—28).

ее въ короткихъ, но сильныхъ словахъ. „Незнавшіе Бога, говорить онъ, не допускали, что происхожденіе всѣхъ вещей зависитъ отъ разумной причины; а сообразно съ симъ кореннымъ своимъ невѣдѣніемъ заключали и о прочемъ. Потому одни прибѣгали къ вещественнымъ началамъ и причину всѣхъ вещей приписывали стихіямъ міра; другіе же представляли себѣ, что природу видимыхъ вещей составляютъ атомы и недѣлимая тѣла—тяжесть и скважинность (пористость); потому что рожденіе и разрушеніе происходятъ, когда недѣлимая тѣла то взаимно сходятся, то раздѣляются, а въ тѣлахъ, существующихъ долѣе другихъ, причина продолжительнаго пребыванія заключается въ крѣпчайшемъ сѣпленіи атомовъ“ (Бес. 1 стр. 3—4). Такъ характеризуетъ святи- тель ученіе о стихійномъ началѣ вещей первыхъ атомистовъ, недопускавшихъ еще никакого различія между тѣлесностью и духовностью, между веществомъ міра и Виновникомъ его¹³⁾. Нелѣпость подобнаго ученія очевидна съ перваго раза даже для простаго ума, и едвали бы оно заслужило строгаго разбора и опроверженія со стороны философа, не только что богослова, проповѣдующаго съ церковной кафедрѣ. И потому Василій Великій довольствуется сказать противъ безпричиннаго происхожденія міра только слѣдующее. „Подлинно ткнуть паутинную ткань тѣ, которые пишутъ это и предполагаютъ столько мелкія и слабыя начала неба, земли и моря. Они не умѣли сказать: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*. Потому вселившееся въ нихъ безбожіе внушило имъ ложную мысль, будтобы все (произошло само собою), пребываетъ безъ управленія и устройства и приводится въ движеніе какъ бы случаемъ“ (или, что въ сущности одно и тоже, рокомъ,— Бес. 1 стр. 4). Гораздо больше вниманія обрабааетъ Василій Великій на второй моментъ развитія атомистической фило-

¹³⁾ Это—іонійцы-гиллозоисты, которые мыслили матерію однородною, сплошь протяженною въ пространствѣ, притомъ самоодушевленную и живую, и первые собственно атомисты—Левкиппъ и Демокритъ, также Епикуръ, которые, напротивъ, представляли себѣ матерію въ смыслѣ бездушно-мертвыхъ, различныхъ по своей формѣ, величинѣ, фигурѣ, слѣдовательно лишь *количественно*, а не *качественно* атомовъ, первоначально хаотически и безпорядочно носившихся въ пространствѣ.

софіи, когда признали необходимымъ допустить разумную причину міра, — если еще не Творца, но крайней мѣрѣ „Устроителя и Образователя міра изъ готовой массы первобытныхъ сѣмянъ“ (Божественный Духъ или Умъ — *Noûs* Анаксагора Клазоменскаго, род. ок. 500 г. до Р. Х., — у Риттера ч. 1 стр. 262—5.¹⁴⁾ Существо безконечное, отдѣльное отъ міра,

14) Впрочемъ у Анаксагора, — который одинъ только въ древности считалъ атомы *рationalными* *химическими*, — Божество, посвященное названіе Ума, имѣетъ значеніе лишь *математической* причины, нужной для объясненія перваго момента начала міра, дальнѣйшій процессъ развитія котораго затѣмъ идетъ самъ собою — самостоятельно; на подобной же точкѣ зрѣнія стоятъ Аристотель съ своимъ Богомъ — Перводвижателемъ, давшимъ первый толчекъ началу мірообразования. — И новѣйшіе матеріалисты-атомисты допускаютъ особаго рода „невѣсомое вещество“ — эфиръ, или особую „невѣсомую энергію между матеріальными частицами — атомами, иначе т. е. сравнительную близость либо отдаленность атомовъ въ *математическомъ* или въ *геометрическомъ* смыслѣ, — какъ напр. современные намъ физики Клаузиусъ и Гирсъ и самъ основатель новѣйшей химіи Верцелиусъ. — Невозможность сколько нибудь удовлетворительно объяснить начало правильнаго и законосообразнаго движенія атомовъ, т. е. *начало міра* располжила нѣкоторыхъ матеріалистовъ — древняго и новаго времени — къ мысли о *вѣчномъ* круговращеніи вещества, вѣчной сѣмѣ различнѣхъ законовосообразныхъ формъ сочетанія атомовъ. Матерія, говорятъ они, никогда не находилась въ безформенномъ, нестѣйномъ состояніи: она только постоянно мѣняла формы своего существованія, и данный, настоящій видъ, который представляетъ вселенная, есть только одна изъ этихъ формъ, которой предшествовали и за которою послѣдуютъ другія, намъ неизвѣстныя. Отсюда у тѣхъ и другихъ толки о множествѣ міровъ, какъ отдѣльныхъ кометовъ вѣчно круговращающейся матеріи, то возникающихъ, то исчезающихъ въ пространствѣ и вмѣстѣ объ ужасающей хронологіи при объясненіи начала существующей вселенной. Но, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, естествознание, на основаніи строго научныхъ данныхъ, приходятъ къ заключенію, что міръ имѣетъ определенное, временное начало. Изъ новѣйшихъ открытій въ области физики, говоритъ извѣстный физикъ Секки, изъ которыхъ матеріалисты часто думали выводить заключенія въ свою пользу, „на самомъ дѣлѣ вытекаетъ та очевиднѣйшая истина, что міръ сотворенъ въ определенный моментъ времени и потому невѣченъ, какъ они утверждаютъ: я привожу одно изъ этихъ открытій. Изъ теоріи превращенія силъ слѣдуетъ, что всѣ нѣмѣ действующія и находящіяся въ состояніи энергіи силы стремятся къ состоянію равновѣсія, не исчезая при этомъ. Но теперь вся совокупность явлений въ природѣ основывается на разнообразіи этихъ силъ; съ прекращеніемъ ихъ различія, съ достиженіемъ равновѣсія прекращается такимъ образомъ и существованіе міра. По если міръ существовалъ отъ вѣчности, то, при непрестанномъ обмѣнѣ силъ, вся совокупность находящихся въ дѣйствіи силъ природы уже достигла бы состоянія равновѣсія: слѣдовательно міръ уже не существовалъ

(будтобы) независящее отъ него и самостоятельное (Simplic. phis. fol. 35—6). И эту, повидимому, до нѣкоторой степени осмысленную философію и потому, быть можетъ, въ то время соблазнявшую многихъ ученыхъ святитель повергаетъ въ прахъ, какъ „суетную“ и противорѣчущую самой себѣ, превознося, напротивъ, всѣми похвалами истину Откровеннаго ученія. Сначала онъ разсуждаетъ о хаотическомъ состояніи первобытной матеріи, или о нераздѣльномъ смѣшеніи составныхъ вещественныхъ частицъ, которое будтобы, при участіи Божественнаго Ума, постепенно упорядочивалось и приходило въ отдѣльную форму вещей. Матерія, говорили (древніе мыслители), „сама въ себѣ взятая, безкачественна, не имѣетъ никакого вида и очертанія, а потому по природѣ своей невидима и неустроена“ (Бес. 2 стр. 23). На это остроумно отвѣчаетъ святитель: совѣтуя „не любопытствовать о сущности земли, что она такое, не тратить времени на умствованія, изслѣдывая самое подлежащее, не донскиваться какого-то естества, которое лишено качествъ и само въ себѣ взятое безкачественно, но твердо помнить, что всѣ свойства, усматриваемыя въ землѣ, будучи восполненіемъ сущности, входятъ въ понятіе бытія“, — онъ продолжаетъ такъ: „покусившись отвлечь разумомъ отъ земли каждое изъ находящихся въ ней качествъ, придешь ни къ чему, ибо если отымешь черноту, холодность, тяжесть, густоту, качества земли дѣйствующія на вкусъ, или и другія, какія въ ней усматриваются, то подлежащимъ останется ничто“ (Бес. 1 стр. 14). Смотрите, какъ просто и вмѣстѣ глубоко вѣрно рѣшенъ св. отцемъ метафизическій вопросъ объ отношеніи между матеріей и силой! (Сл. Григ. пис. Шестодн. стр. 11 — 12, 14, 21 и „Объ устроеніи челов.“ гл. 24 стр. 174, — Твор. свв. отц. кн. 1 т. XXXVII ч. 1, 1861 г.; Григ. Бог. „Танц. Пѣсн. Слово 4 о мірѣ“ ч. IV стр. 226 — 7)¹⁵). Затѣмъ Василій

бы. Итакъ, если онъ существуетъ, то существуетъ потому, что не отъ вѣчности находится въ движеніи, но только съ извѣстнаго, опредѣленнаго пункта времени“ (A. Secci Die Grösse der Schöpfung Übers v. c. Güttler, 1883, p. 14).

¹⁵ И современная философія исходитъ отъ той точки, что матерію (въ данномъ физическомъ опытѣ) нельзя себѣ представить отдѣльно отъ свойствъ или силъ ея, равно какъ свойства и силы отдѣльно отъ матеріи (т. е. „матерія

Великій выставляеть на видъ невозможностьъ взаимодействія между вездѣсущимъ, всевѣдущимъ и всемогущимъ Божествомъ и лишенною всѣхъ матеріальныхъ свойствъ, предвѣчною, хаотическою матерією, гдѣ можно отмѣтить слѣдующія положенія, приводимыя богословами и до сихъ поръ. Если матерія и Богъ независимы одна отъ другаго, какъ два абсолютныя начала, то какимъ образомъ одно изъ нихъ могло воздѣйствовать на другое? Если же матерія вѣчна, то ей естественно нельзя уже быть созданиємъ Бога, то она состоитъ сама изъ себя и стоитъ сама собою, то Богъ не имѣеть уже ни права, ни силы сдѣлаться ея Устроителемъ и Распорядителемъ. „Сотвори Богъ небо и землю: не въ половину каждое, но цѣлое небо и цѣлую землю, самую сущность, взятую вмѣстѣ съ формою; потому что Онъ не Изобрѣтатель только образовъ, но Зиждатель самаго естества существъ. Иначе пусть отвѣчаютъ намъ, какимъ образомъ встрѣтились между собой и дѣятельная сила Божія, и страдательная сила вещества, встрѣтились между собой и вещество, доставляющее матерію безъ образа, и Богъ, имѣющій знаніе образовъ безъ вещества, встрѣтились такъ, что недостающее у одного дается другимъ, дается Зиждителю то, надъ чѣмъ показать искусство, а веществу то, чтобы отложить свое безобразіе и неимѣніе формы „(Бес. 2 стр. 26)¹⁶⁾. И далѣе—если матерія вѣчна, то ей уже на-

имѣеть возможность или способствовать обнаруживать извѣстныя явленія подъ условіемъ воздѣйствія на нее извѣстной силы или силъ, изъ нея невыводимыхъ“,— „Изъ чтеній по Космологіи,—происхожденіе міра“ В. Кудрявцева-Платонова во 2-й ноябр. кн. „Вѣры и Разума“ 1890 г. стр. 416). А богословіе должно прибавить къ этому, что Богъ есть основная причина всего, которая не только даетъ каждой матеріи, всѣмъ силамъ и законамъ природы бытіе и дѣятельность, но и хранить Своею святою волей всѣ законы природы въ предначертанныхъ для нихъ связи и порядкѣ. Съ другой стороны, замѣтимъ еще здѣсь, если матерія существовала отъ вѣчности, то отъ вѣчности существуетъ и сила, какъ неразлучная съ нею; по сила, по самому понятію о ней, должна всегда дѣйствовать; слѣдовательно матерія, находясь подъ вліяніемъ силы, должна была постоянно измѣняться. А понятіе измѣненія отнюдь уже не мирится въ нашемъ сознаніи съ понятіемъ о вѣчности: измѣняемое не вѣчно!

¹⁶⁾ Рядомъ съ этимъ предлагая свое ученіе, великій святитель пишетъ: „Богъ, прежде нежели существовало что нибудь изъ видимаго нынѣ, положивъ въ умѣ и подвигшись привести въ бытіе несущее, вмѣстѣ и помысливъ, какимъ долженъ

добно имѣть одно изъ наибольшаихъ свойствъ Божіихъ; а какъ свойства Божія перазлучны, то не слѣдуетъ ли само собою, что тотъ, кто приписываетъ матеріи вѣчность, долженъ приписать ей и всемогущество, и премудрость, и другія существенныя свойства Существа Высочайшаго. „Если матерія не сотворена, то, во первыхъ, она равночестна Богу, какъ удостоенная тѣхъ же преимуществъ. Но что можетъ быть сего печестивѣе — безкачественное, не имѣющее вида, крайнее безобразіе (употребляю, замѣчаетъ Василій, собственные выраженія языческихъ учителей) удостоятъ одинаковаго предпочтенія съ премудрымъ, всемогущимъ и прекраснѣйшимъ Создателемъ и Творцемъ всяческихъ! Во вторыхъ, если матерія такъ вмѣстительна, что можетъ принять въ себя все вѣдомое Богу; то чрезъ это сущность матеріи уравниваютъ они нѣкоторымъ образомъ съ неизслѣдимымъ Божіимъ могуществомъ, какъ скоро матерія достаточна къ тому, чтобы вмѣстить собою весь разумъ Божій (Бес. 2 стр. 23—24). Посему, заключаетъ Святитель, да прекратятъ свои баснословныя построенія тѣ, которые, при помощи собственныхъ умствованій, измѣряютъ могущество непостижимое для разума и вовсе неизреченное на человѣческомъ языкѣ“ (стр. 25; ср. Оеоф. ант. „О вѣрѣ“ 1. II с. 4; Ирин. Adv. haer. 1. II с. 7 п. 5, с. 16 п. 3; 1. IV с. 20 п. 1; Тертул. adv. Pergog, с. 3—4, 7; Меод. патар. „О свободн. произволеніи“ ар. Combefis, р. 347 — 61, рус. пер. 1877 г. стр. 1—12; Аѳанас. В. „Слово прот. язычниковъ“ — рус. пер. Твор. свв. отц. т. XVII ч. I стр. 47 и сл., 1851 г.; I. Дам. „Точн. излож. правосл. вѣры“ ст. 5—6).

Другая теорія происхожденія міра, въ существенномъ сходная съ предъидущею, известна подъ именемъ теоріи эмана-

быть міръ, и произвелъ матерію, соответственную формѣ міра. Для неба отделилъ Онъ естество приличное небу; и въ форму земли вложилъ сущность свойственную землѣ и для нея потребную. Огню же, водѣ, воздуху и формѣ даль, какія хотѣлъ, и въ сущность ихъ привелъ, какъ требовало уопредѣленіе каждой изъ творимыхъ вещей. И цѣлый міръ, состоящій изъ разнородныхъ частей, связалъ Онъ какимъ то неразрывнымъ союзомъ любви въ одно общеніе и одну гармонию, — такъ что части, по положенію своему, весьма удаленны одна отъ другой, кажутся соединенными посредствомъ симпатій“ (стр. 25).

тизма или истечения (древне-персидскій пантеизмъ). Основныя положенія ея св. Василій Великій выразилъ въ слѣдующихъ чертахъ: „многіе изъ представлявшихъ, что міръ отъ вѣчности существуетъ съ Богомъ, соглашались не на то, что онъ сотворенъ Богомъ, но что самъ собою осуществился, будучи какъ бы отѣнкомъ Божія могущества, и потому хотя признавали Бога причиною міра, но причиною произвольною, какъ тѣло бывасть причиною тѣни и сіющее—сіяніа“ (Бес. 1 стр. 12). ¹⁷⁾ Разсматривая эту теорію въ послѣднихъ ея результатахъ, онъ справедливо находитъ ее несогласною ни съ свойствами Бога, Существа духовнѣйшаго и невидимаго, ни съ свойствами видимаго міра, существа котораго крайне ограничены и далеко ни божественны. И здѣсь св. отецъ приводитъ почти всѣ тѣ положенія, какія въ настоящемъ случаѣ приводятся и доселѣ въ Догматикѣ. Если всѣ твари проистекли изъ сущности Божества, то или онѣ всѣ также должны быть безконечны, неизмѣняемы, духовны и божественны, или же Самъ Богъ, подобно имъ, ограниченъ и подверженъ случайнымъ перемѣнамъ и даже разрушенію. „Изучившіеся мірскимъ наукамъ дошли до заключенія, что видимый сей міръ совѣченъ Творцу всяческихъ — Богу, и то, что ограничено и имѣетъ вещественное тѣло, возвели они въ одну славу съ Естествомъ непостижимымъ и невидимымъ, не въ состояніи будучи выразумѣть и того, что гдѣ подлежатъ поврежденіямъ и переименованіямъ части, тамъ и цѣлое необходимо потерпитъ нѣкогда одинакія видоизмѣненія съ собственными своими частями“ (Бес. 1 стр. 6). И далѣе—если Богъ и міръ есть одно и то же (тожественны), то, значить, мы имѣемъ Бога, Который ни всевѣдущъ, ни премудръ, ни благъ, ни правосуденъ, словомъ—Бога безличнаго; значить, нѣтъ правственнаго закона, по которому бы управлялся родъ человѣчскій, и не будетъ никакого возмездія людямъ по ту сторону гроба. „Безъ сомнѣнія, для тѣхъ, которые доказываютъ вѣчность міра, излишество мірской мудрости припесетъ нѣкогда

¹⁷⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъговорить: „одни (изъ языческихъ мудрецовъ) утверждали, будто бы небо отъ вѣчности существуетъ вмѣстѣ съ Богомъ, а другіе говорили, что оно есть Богъ безначальный и нескончаемый, причина благоустройства въ частяхъ вселенной“.

приращеніе тяжкаго осужденія за то, что съ такою осмотрительностью вникая съ пустые предметы, они произвольно слѣпотствовали въ уразумѣніи истины... не нашли одного изъ всѣхъ способа, какъ уразумѣть Бога, Творца вселенной и праведнаго Судію, воздающаго каждому достойно по дѣламъ, и какъ вмѣстить въ умѣ вытекающую изъ понятія о судѣ мысль о скончаніи; потому что міру необходимо измѣниться, если и состояніе душъ перейдетъ въ другой родъ жизни. Ибо какъ настоящая жизнь имѣетъ качества, сродныя сему міру: такъ и будущее существованіе нашихъ душъ получитъ жребій, свойственный своему состоянію“ (тамъ же стр. 6 и 7). Но противъ всего этого. — т. е. противъ высказанныхъ положеній невѣрія. — громко говоритъ такъ называемая цѣлесообразность міра, чудное согласіе силъ съ дѣйствіями и законами ихъ дѣятельности. цѣлей со средствами, какъ въ чувственномъ, такъ и нравственномъ мірѣ, немислимыя безъ разумно—свободнаго, высочайше-благаго и правосуднаго Создателя и Промыслителя міра¹⁸⁾. И премудрый Моисей, желая показать, что Богъ былъ для міра не причиною только бытія, ... употре-

18) Здѣсь разумѣется именно цѣлесообразность внутренне-идеальная, преднамѣренно проявленная во всемъ мірозданіи *мърою, числомъ и вѣсомъ* (Премудр. Солом. XI 21), а не результатъ лишь нѣкоторыхъ естественныхъ причинъ, которыя внѣшне-механически и по слѣпо-необходимой, хотя и счастливой, случайности произвели и производятъ различныя органическія приспособленія растительныхъ и животныхъ формъ къ средѣ (измѣнчивость, естественный—половой—подборъ, наследственность, борьба за существованіе—это уже *вторичныя* причины, которыя могутъ объяснять намъ лишь *сохраненіе*, а не *происхожденіе* существующаго). Зоологія и сравнительная анатомія дѣйствительно доказываютъ строгое единство плана въ развитіи различныхъ организмовъ, а физиологія растений и животныхъ, посредствомъ химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій указываютъ на единство самыхъ жизненныхъ отправленій. Не даромъ же такъ строго выдержанъ—во всѣхъ пластахъ земныхъ—законъ однообразнаго распредѣленія органическихъ существъ на всемъ пространствѣ земли, т. е. вездѣ—подъ экваторомъ и въ полярныхъ странахъ,—гдѣ только могутъ существовать живыя твари, отыскиваются растения и животные одинаковыхъ эпохъ (геологическихъ), не смотря на рѣзкое различіе условій климата и громадныя измѣненія, совершившіяся на земномъ шарѣ. Значитъ, въ ходѣ созданія организмовъ шла не слѣпая борьба за существованіе и не случайный подборъ между побѣдителями, а, напротивъ, видны общая связь и опредѣленность плана,—въ палеонтологическихъ останкахъ оставлены слѣды высшаго и могущественнѣйшаго разумѣнія.

билъ слова съ особенною точностью, сказавъ: *въ началѣ сотвори Богъ*. Не сдѣлалъ, не произвелъ, но сотворилъ (въ смыслѣ искусства разумно и свободно творящаго—*ποιητικὴ τέχνη*), какъ благій—полезное, какъ премудрый—прекраснѣйшее, какъ могущественный—величайшее. Пророкъ показалъ тебѣ въ Богѣ едва не художника, который, приступивъ къ сущности все-ленной, приновляетъ ея части одну къ другой и производитъ само собою соотвѣтственное, согласное и гармоническое цѣлое“ („*κόσμος*—благоустроенный міръ“, какъ первый назвалъ его Пифагоръ; ср. „Тимей“ Платона; Цицер. *De natura Deor.* с. 1—2, 14 и 62; Бес. 1 стр. 12; сл. Бес. 2 стр. 23—25. См. также выше цитированныя мѣста изъ другихъ о.о. ц.).

Прибавимъ къ этому еще два—три изъ *положительныхъ* свидѣтельствъ Василя Великаго о происхожденіи міра, прямо отвергающія сужденія той и другой теории. „Когда уже стало нужно присоединить къ существующему (міру невидимому, ангельскому) и сей міръ, ... тогда произведено сродное міру и находящимся въ немъ животнымъ и растеніямъ преемство времени... По сей-то причинѣ премудро изъясняющей намъ бытіе міра, разсуждая о мірѣ, весьма кстати присовокупилъ: *въ началѣ сотвори*, т. е. въ семь началѣ, въ началѣ временномъ. Ибо конечно не во свидѣтельство того, что міръ, по своей первобытности, предшествуетъ всему сотворенному, именуется его произшедшимъ въ началѣ; но говорить о началѣ происхожденія сихъ видимыхъ и чувствомъ постигаемыхъ вещей послѣ невидимаго и умозерцаемаго“ (Бес. 1 стр. 8—9). И далѣе: „какъ начало пути еще не путь и начало дома еще не домъ; такъ и начало времени еще не время, а даже и не сама малѣйшая часть времени. Если же какой любитель споровъ скажетъ, что начало времени есть время; то пусть знаетъ, что симъ раздѣлить начало на части, а части сіи суть: начало, середина и конецъ. Но придумывать начало для начала весьма смѣшно... И такъ, чтобы мы уразумѣли вмѣстѣ, что міръ сотворенъ хотѣніемъ Божиимъ *не во времени*, сказано: *въ началѣ сотвори*. Въ озпаченіе сего древніе толкователи, яснѣе выражая мысль, сказали: *вкратитъ* („*ἐν κεφαλῇ*“—по переводу Акилы) сотвори Богъ, т. е. вдругъ и мгновенно“ (положилъ основанія и поводамъ,

и причинамъ, и силамъ всѣхъ существъ, всей полнотѣ творенія,—стр. 10—11). А чтобы совершенно отстранить мысль о двухъ, будто бы равно вѣчныхъ, абсолютныхъ началахъ (что стараются доказать, какъ мы видѣли, защитники первой теоріи) и утвердить понятіе только объ одномъ дѣйствительно вѣчномъ, все приведемъ изъ небытія въ бытіе, Началѣ, онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ такъ: „если же міръ имѣетъ начало и сотворенъ, то спросимъ себя: кто далъ ему начало и кто его творецъ?... Сіе блаженное Естество, сія неоскудѣвающая Благодать, сія Доброта любезная и многовожде-лѣнная для всякаго одареннаго разумомъ существа, сіе Начало существъ, сей Источникъ жизни, сей духовный Свѣтъ, сія непреступная Мудрость — вотъ Кто сотвори въ началѣ небо и землю“ (тамъ же стр. 4 и 5)! „И какой прекрасный порядокъ (въ описаніи Моисеемъ мірозданія): сперва упомянулъ онъ о *началѣ*, чтобы иные не почли міръ безначальнымъ; а потомъ присовокупилъ: *сотвори* въ показаніе, что сотворенное есть самая малая часть Знждителява могущества. Какъ горшечникъ, съ одинакимъ искусствомъ сдѣлавшій тысячи сосудовъ, не истощилъ тѣмъ ни искусства, ни силы: такъ и Создатель этой вселенной, имѣя творческую силу не для одного только міра достаточную, но въ безконечное число кратъ превосходнѣйшую, все величіе видимаго (міра, какъ художественнаго произведенія, подлежащаго созерцанію всякаго, такъ что чрезъ него познается премудрость и другія—вышепоказанныя свойства Творца) привелъ въ бытіе однимъ мановеніемъ воли“ (стр. 4 и 12)¹⁹⁾. — Какъ понималъ св. Василій самые дни творенія? Въ прямомъ и буквальному смыслѣ. „*Бысть вечеръ и бысть утро, день единый*: пророкъ разумѣетъ продолженіе дня и ночи, замѣчаетъ онъ; но не наименовалъ дня и ночи, а далъ наименованіе только превосходнѣйшему (какъ обыкновенно и во всемъ Писаніи при измѣреніи времени счисляются дни, а не вмѣстѣ и ночи со

¹⁹⁾ Мы не говорили еще о доказательствѣ невѣчности міра, построенномъ Василиемъ Вел. такъ называемымъ *регрессивнымъ* путемъ, посредствомъ котораго доискиваясь виновника всѣхъ началъ, дойдемъ до послѣдней причины, до единственнаго верховнаго Ума, сотворившаго и распоряжающагося всѣмъ въ мірѣ (Бес. I стр. 10, 15—16, 20 и пр.).

днями). Такимъ образомъ преданное нынѣ въ видѣ исторіи служить закономъ и для послѣдующаго... *день одинъ*. Почему назвалъ не первымъ, но единымъ? Хотя намъ бреваящемуся говорятъ о второмъ и третьемъ и четвертомъ дняхъ было бы приличіе именовать первымъ тотъ день, съ котораго начинаются послѣдующіе, однако же онъ назвалъ единымъ. Симв опредѣляетъ мѣру дня и ночи и совокупляетъ въ одно суточное время, потому что двадцать четыре часа наполняютъ продолженіе одного дня. если подь днемъ подразумѣвать и ночь... И Моисей какъ бы такъ сказалъ: мѣра двадцати четырехъ часовъ есть продолженіе одного дня, или возвращеніе неба отъ одного знака къ тому же опять знаку совершается въ одинъ дѣнь“ (Бес. 2 стр. 37.—Объясненіе неподвижности земли см. ниже)²¹). О конечности міра у

²⁰ Также и св. Ефремъ сиринъ библейское повѣствованіе о шестидневномъ твореніи міра удерживаетъ во всей точности и возстаетъ противъ иносказательнаго объясненія дней творенія. „Не думай, говорить онъ, будто нужно искать аллегорій въ дѣлахъ шести дней; не позволительно думать, что созданное, по повѣствованію, въ определенное продолженіе шести дней, создано мгновенно; не надобно также думать, что все это—названія безъ вещи, или не означаетъ тѣхъ вещей, которыя собственно обозначаются словами“, т. е. дней (Орр. Syr. t. I p. 6,—въ рус. пер. Твор. свв. отц. 1853 г. т. XXII ч. 8 стр. 254. Ср. еще Григ. вис. Кпиг. прот. Евном. ч. 6 стр. 376—7; Григ. Бог. Слово XLIV на нед. пов. ч. IV стр. 145; Бес. 3 и 4 св. Злат. на кн. Бытія). Конечно для вашей вѣры и правственности, вообще говоря, безразлично, будемъ ли мы разумѣть подь днями творенія просто обыкновенные дни нашей планеты, или неопредѣленно-продолжительные періоды времени (еврейское слово *jom*—„день“ даетъ возможность понимать его какъ въ смыслѣ оудрѣделнаго краткаго времени, такъ и въ смыслѣ неопредѣленно-долгаго періода, лишь бы въ дѣлѣ не только изначальнаго творенія (еврейскій глаголь *bara* „означаетъ произведеніе вещи новой и необычайпой“,—Записки на кн. Бытія стр. 2,—слѣдовательно твореніе въ собственномъ смыслѣ—изъ ничего, *creatio prima*), но и всего шестидневнаго образованія міра, наряду съ посредствующими силами и дѣятелями природы, не отрицалось и не устранилось участіе сверхъестественнаго Божественно-творческаго Начала—*creatio secunda*,—Сирах. XVIII; св. Ипол. Толк. на 5 ст. 1 гл. кн. Быт.; Шестодн. Григ. вис. стр. 63; Ефр. сир. въ указ. выше мѣстѣ стр. 359.—См. „Апологетическій Опытъ“ прот. Н. Сергіевскаго,—„Твореніе міра и чело-вѣка,—изъясненіе библейской исторіи творенія въ связи съ естественною исторіею“ М. 1883 г., гдѣ, послѣ основательнаго критическаго разсмотрѣнія четырехъ опгтовъ подобнаго изъясненія прежняго времени, предлагается *новый* съ именемъ гипотезы *теокосмологической исторіи*). Но не можемъ не сдѣлать при-

Василія Великаго нѣтъ такихъ обстоятельныхъ, прямыхъ доказательствъ, какъ объ его происхожденіи. Онъ приводилъ ихъ какъ бы случайно, мимоходомъ, всего чаще, — какъ мы отчасти видѣли уже, — въ связи съ доказательствами о временномъ происхожденіи міра. Впрочемъ по своей оригинальности и убѣдительности они заслуживаютъ полнаго вниманія. Опровергнувъ ложное ученіе, что „природа круговращаемыхъ тѣлъ (небесныхъ) безначальна потому будто бы, что описываемый этими тѣлами кругъ убѣгаетъ отъ нашего чувства, и не можемъ мы найти, гдѣ онъ начался и гдѣ окончился“, тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь точно также „представляется намъ съ перваго взгляда не имѣющимъ ни начала, ни конца и геометрической кругъ, на плоскости описанный одною чертою, однако же въ дѣйствительности кто описывалъ этотъ кругъ изъ средоточія и извѣстнымъ разстояніемъ, тотъ, безъ сомнѣнія, началъ его откуда нибудь“, — святитель заключаетъ такъ: „и ты, видя, что тѣла, описывающія круги, возвращаются въ прежнее свое положеніе, равномерностью и непрерывностью ихъ движенія не удерживай себя въ той ложной мысли, будто бы міръ безначаленъ и нескончаемъ“ (Бес. 1 стр. 5). Конечно такое доказательство временнаго происхожденія и конечности міра не довольно сильно, но оно вполне соотвѣтствуетъ возраженію противниковъ. То и другое утверждается на сравненіи съ кругомъ; но *caputatio non est ratio*, говорили еще древніе римляне. — „Предвозвѣщеніемъ же догматовъ о скончаніи и измѣненіи міра служить и то, продолжаетъ вселенскій учитель, что предано намъ

этомъ слѣдующаго замѣчанія. Новѣйшая наука въ своихъ заключеніяхъ имѣетъ въ виду силы и законы природы, дѣйствующіе въ настоящее время. Между тѣмъ при созданіи міра тѣ же самыя силы могли имѣть гораздо большіе размѣры и, по волѣ Творца, дѣйствовать несравненно быстрее. Такимъ образомъ то, что, по нынѣшнему состоянію природы, могло совершиться только въ теченіи большихъ періодовъ времени, по волѣ Творца, могло произойти въ теченіи немногихъ дней и даже мгновенно (см. „Аполог.“ Христ. Геттингера ч. 2 стр. 145; сл. Бенера „Космосъ—Библія природы“ т. 1 кн. 5 стр. 58). И многіе изъ самихъ геологовъ допускаютъ, что въ прежнія времена дѣйствовали такія причины, благодаря которымъ наслоеніе земныхъ формацій производилось съ гораздо большею быстротою и которыя даже прекратили свое дѣйствіе, когда совершилось образованіе міра.

нынѣ кратко въ самыхъ начаткахъ богодухновеннаго ученія: *въ началѣ сотвори Богъ*. Начавшееся со временемъ по всей необходимости и окончится во времени. Если имѣеть начало временное, то не сомнѣвайся о концѣ“ (стр. 6). Болѣе основательное, чѣмъ предъидущее, доказательство конечности міра слѣдующее: „гдѣ подлежатъ поврежденіямъ и переиначиваніямъ части, тамъ и цѣлое необходимо потерпитъ нѣкогда одинакія видоизмѣненія съ собственными своими частями... Они (языческіе ученые) не нашли одного изъ всѣхъ способа, какъ уразумѣть Бога, Творца вселенной и праведнаго Судію, воздающаго каждому по дѣламъ, и какъ вмѣстить въ умѣ вытекающую изъ понятія о судѣ мысль о скончаніи; потому что міру необходимо измѣниться, если и состояніе душъ перейдетъ въ другой родъ жизни. Ибо какъ настоящая жизнь имѣеть качества сродныя сему міру: такъ и будущее существованіе нашихъ душъ получить жребій свойственный своему состоянію... Но они до того не расположены внимать симъ истинамъ, что даже громкимъ смѣхомъ встрѣчаютъ насъ, которые возвѣщаемъ кончину сего міра и вѣчное на-кибытіе“ (тамъ же стр. 6—7). Очевидно, св. Василій конечность міра понимаетъ, согласно со многими отцами церкви (см. напр. изъ болѣе древнихъ сочиненіе „О воскресеніи“ св. Меодія патарскаго) и самимъ Священнымъ Писаніемъ, не въ смыслѣ всесовершеннаго уничтоженія, обращенія его въ первобытное ничто (совершеннаго уничтоженія даже само-малѣйшей частицы вещества не допускаетъ и матеріализмъ), а въ смыслѣ кореннаго измѣненія, преобразования и обновленія его для жизни будущей.

Что сказать вообще относительно доказательствъ Василія Великаго о временномъ происхожденіи и вмѣстѣ конечности видимаго міра? Въ какой степени можно придавать имъ вѣсъ и значеніе? Конечно Василій Великій не былъ философомъ-естествоиспытателемъ и доказательства его о началѣ и концѣ міра не удовлетворяютъ строгаго адепта науки; но они имѣють полный вѣсъ и значеніе съ богословской точки зрѣнія, для человѣка вѣрующаго въ Божественное Откровеніе. (Не даромъ тѣже самыя доказательства, какъ мы замѣчали уже, приводятся до сихъ поръ въ Догматикѣ). А не забудемъ,

что Откровеніе прямо предупреждаетъ насъ, что происхожденіе міра есть *тайна, разумываемая* одною лишь *вѣрою* (Евр. XI 3)... Съ другой стороны, не забудемъ и того, что пытливая философія (именно *философія*, которая здѣсь— въ области явленій, недоступныхъ для непосредственно чувственныхъ наблюденій имѣетъ мѣсто и въ естествознаніи), не смотря на всѣ усилія объяснить тайну мірозданія чисто естественнымъ путемъ, не могла (да конечно и не сможетъ) рѣшить этого вопроса ²¹).

Что касается состава неба и земли, существенныхъ элементовъ воды, воздуха, огня и пр., то Василій Великій немного сообщаетъ научныхъ свѣдѣній объ этихъ предметахъ. Разсматривая небо, святитель говоритъ: „касательно сущности неба довольно для насъ сказаннаго у Исаи, который въ простыхъ словахъ далъ намъ достаточное понятіе о природѣ его, сказавъ: *утвердивъ небо, яко дымъ* (Ис. LI 6), т. е. для составленія неба осуществившій естество тонкое, не твердое, не грубое, а объ очертаніи его: *поставивъ небо, яко камару*“ (шатерь, — Ис. CIV 2; Ис. XLIX 22; Бес. I стр. 14). И въ слѣдъ за тѣмъ онъ опровергаетъ— анонимно— мнѣнія Платона и Аристотеля о сущности неба (вмѣстѣ со звѣздами), изъ коихъ первый, по его словамъ, составлялъ небо „изъ четырехъ—извѣстныхъ—стихій“ (которыя однакожь различаются между собою по направленію въ движеніи, хотя и обще-прямолинейномъ), а послѣдній, напротивъ, вводилъ въ составъ его, „какое-то пятое тѣлесное естество“ (эфирное, и круговращающееся, — такъ какъ, по нему, огонь есть матерія тепла, а эфиръ—пятый элементъ, — стр. 18—19). Нѣсколько подробнѣе говоритъ онъ объ устрой-

²¹) Доселѣ было придумано болѣе 80 системъ геологіи до рѣшительной противоположности ихъ другъ другу, каковы напр. *петтунизмъ* и *плутонизмъ* съ ихъ внезапными и насильственными переворотами, съ своеобразной флорой и фауной, или, напротивъ, *монистическій трансформизмъ* и *эволюціонизмъ* съ ихъ медленною и постепенною послѣдовательностью въ развитіи земли, какъ и растительныхъ и животныхъ формъ на ней до самаго человѣка включительно въ продолженіи цѣлаго ряда тысячелѣтій или даже миллионныхъ лѣтъ... Однакожь и новѣйшій естествознательный натурализмъ перѣдко толкуетъ о нѣкоторой „неизвѣстной трансцендентной причинѣ міра“.

ствѣ и образованіи земли. Земля была *невидима* вслѣдствіе отсутствія свѣта, была какъ бы залита водою (т. е. покрыта сгущенными и темными парами), чрезъ которую можно видѣть только при отраженіи лучей свѣта; была *неустроена*, какъ не получившая еще повелѣнія отъ Вседержителя произвести растенія и обитателей (съ подлиннаго языка „необразована“—безформенна и „пуста“—безсодержательна въ раздѣльно—опредѣленномъ смыслѣ, а не то что хаотически—мертва и безжизненна). Первое слово Божіе создало природу свѣта, такъ какъ онъ необходимъ для послѣдующихъ твореній (какъ начало всѣхъ сочтаній и образованій вещества и какъ бы сила силъ), — это не солнце, а самое естество или матерія свѣта, неопредѣленная, объемлющая собою все видимое („разсѣянный свѣтъ“, евр. *og*,—2 Кор. IV. 6), такъ какъ солнце есть нѣчто опредѣленное, источникъ или органъ („посителъ или возбуждатель“, евр. *maog*), свѣта, „колесница первобытному свѣту“ (Бес. 6. стр. 92); ²²⁾ свѣтъ

²²⁾ Василиій Великій допускаетъ отдѣльное существованіе солнца и свѣта, какъ тѣла темнаго самого въ себѣ (хотя у пифагорейцевъ солнце есть стеклянный дискъ, получающій свѣтъ и теплоту отъ міроваго огня и отражающій ихъ на землю), и свойственнаго ему свѣченія, подобно какъ отдѣльно существуютъ огонь и свѣтильникъ, бѣлизна и тѣло выбѣленное (Бес. 6 стр. 93—9). Столь раннее предположеніе о физическомъ строеніи и свойствахъ солнечнаго (самого въ себѣ твердаго или жидкаго) тѣла и его газообразной, эфирной оболочкѣ (фотосферѣ) вполне подтвердилось, какъ извѣстно, позднѣйшими наблюденіями астрономіи (еще Галилей, потомъ Гумбольдтъ, Араго, оба—отецъ и сынъ—Гершели, гейдельбергскій профессоръ Кирхгофъ и англичанинъ Локьеръ, хотя по другому новѣйшему взгляду французскихъ астрономовъ Френеля, Фая, К. Фламариона и Делонсолье есть „сплошной газовый шаръ, состоящій изъ блестящихъ газовыхъ шихтъ, напластованныхъ одна на другую на подобіе луковичныхъ чашечекъ, температура котораго увеличивается по мѣрѣ углубленія внутрь“; сл. Григ. Бог. Слово XLIV на нед. нов. ч. VI стр. 143—4). Въ поясненіе общей мысли Василия объ устроеніи солнца изъ первозданнаго свѣта, братъ его, Григорій нисскій высказываетъ слѣдующее соображеніе. „Первоначально вся свѣтопосная сила, собранная въ себѣ самой и все обтекавшая, была однимъ свѣтомъ (похожимъ на то, какъ если бы онъ выходилъ изъ многихъ кремней, ударяемыхъ другъ о друга); послѣ же того—именно въ продолженіи первыхъ трехъ дней— снова частями своими стала отдѣляться къ сродному и сообразному“ т. е. будучи неодинаково тонка, она раздѣлилась на многіе виды, и часть ея болѣе разрѣженная поднялась въ самую верхнюю область неба, а другая, менѣе разрѣженная, остановилась ближе къ землѣ. Такъ „по взаимномъ стеченіи всѣхъ

разогналъ тьму (такъ какъ тьма по своей природѣ есть не что иное, какъ отсутствіе свѣта), придавъ всему привлека- тельный и пріятный видъ, разсѣялось уныніе, обвеселился міръ, озарился воздухъ, открылась красота безграничнаго небеснаго свода,—вода сдѣлалась свѣтлою, отражая отъ себя лучи свѣта. Твердь, появившаяся, по мановенію Божію, вслѣдъ за явленіемъ свѣта, есть какъ бы сгустившіеся слои воздуха, который въ сравненіи съ прозрачнымъ эфиромъ, „тончайшимъ и неуловимымъ для чувства“ (самый разрѣ- женный изъ газовъ), „огненной природы, такъ что и самъ находится въ раскаленномъ состояніи и все раскаляетъ“ (Бес. 3 стр. 53; ср. Бес. 8 стр. 150), имѣетъ большую плот- ность и упругость — твердость (?), откуда и самое названіе *твердь* (στέρεωμα). (И св. Златоустъ говоритъ: „для неба нужно тѣло упругое, твердое, способное выдерживать напоръ и вынести паложенную тяжесть“, —Бес. на посл. къ Ефес. 19 стр. 302. въ рус. пер. ч. I, 1858 г.)²³⁾. Вслѣдствіе

однородныхъ частицъ“ свѣта изъ однихъ составилось солнце (т. е. газовидная бле- стящая фотосфера—то его?), изъ другихъ образовалась луна, третьи дали бытіе различнымъ звѣздамъ“. (Шестодн. его стр. 63—5; ср. Ефр. сир. Толк. на кн. Быт. стр. 255—6). Кто не знаетъ теперь о самосуществованіи свѣта, независимо отъ солнца, и что каждая частица (molecula) вещества содержитъ въ себѣ нѣ- которую долю свѣта, теплоты и электричества? Достойно замѣчанія, что еврей- ское слово „свѣтъ“ (or) совмѣщаетъ въ себѣ идею и о теплородѣ и даже прямо означаетъ жидкость струящуюся, изливающуюся (эвиръ,—Шобаръ и др.), хотя теперь Ньютоновой теоріи истеченія (лучеиспусканіе) предпочитается уже Гюй- генсова теорія волнообразнаго движенія или сотрясенія того же эфира, какъ соб- ственно *среды* для распространенія лучей свѣта и теплоты.

23) Это—кристалльный или хрустальный сводъ по представленію древнихъ (язы- ческихъ) народовъ съ разными (8 или 10) приставными кругами и кольцами,— такъ называемыми *эпициклами*, наслоенными одинъ на другой наподобіе опять той же луковичной шелухи. (Платонъ пространно описываетъ въ „Федрѣ“ вы- пуклые своды, образующіе небесную твердь, а Сократъ считалъ звѣзды за го- ловки золотыхъ гвоздей въ нее вбитыхъ; солнце же, по его мнѣнію, пропускаетъ свѣтъ свой чрезъ отверстіе въ небѣ,—см. Астрономію Меделер—а). Еврейское же слово гакіа означаетъ именно растяженіе, небесное или воздушное пространство, которое, подобно шатру, распростерто надъ землею, составляя предѣлъ дѣленію міровыхъ тѣлъ (Пс. CIV 2; Ис. XL 22), т. е. пространство, твердо поддерживаю- щее и уравнивающее собою,—управляющее движеніями свѣтиль и самой земли, и евреи никогда не понимали твердь—небо въ смыслѣ твердаго свода, хрустального или металлическаго, а какъ вещество легкое, прозрачное и бле-

такой твердости своей она оказывается „достаточною къ удержанію воды, которая удобно скатывается и разливается“ (Бес. 3 стр. 4), — воды, яже надъ твердію (наднебесной), или преимущественно „воздушную“ (атмосферическую), какъ „поднимающуюся парами изъ рѣкъ, источниковъ, болотъ, озеръ и всѣхъ морей“ (стр. 53; ср. Шестодн. св. Амвросія мед.

стѣе.—Не зная еще силы атмосфернаго электричества Василій Великій примѣнительно къ этому (т. е. механически—по Аристотелю и Овидію напр.) объясняетъ и происхожденіе грома и молніи: „твердость и упругость (сгустившагося воздуха, заключеннаго въ полостяхъ облаковъ и усиленнымъ исторженіемъ производящаго (при столкновеніи двухъ облаковъ между собою) громовой трескъ, Писаніе именуется утверженіемъ грома“ (Амос. IV 13;—стр. 47; сл. 2 Слово о богословіи св. Григ. Бог. т. III стр. 38.—(Молнію же древніе объясняли себѣ тѣмъ, что при этомъ столкновеніи развивается огромное количество теплоты, вслѣдствіе которой облако будто бы воспламеняется).—При этомъ онъ впадаетъ въ разсужденіе о числѣ небесъ и, вопреки нѣкоторымъ писателямъ, не только языческимъ, но и „прежнимъ церковнымъ“ (вылѣвшимъ здѣсь не твореніе втораго неба, но лишь полнѣйшее повѣствованіе объ устройствѣ перваго неба), доказываетъ множество небесъ. „Поелику передано намъ и другое имя и особенное назначеніе втораго неба (тверди), то оно отлично отъ сотвореннаго въ началѣ, имѣетъ естество болѣе плотное и служитъ во вселенной для особеннаго употребленія“ (Бес. 3 стр. 43—5; ср. бл. Феодор. Толк. на кн. Быт. вопр. 12 въ Твор. свв. отц. 1855 г. т. XXVI ч. 1 стр. 17—19). Кто не знаетъ въ настоящее время, что твердь или воздушное небо есть ни больше, ни меньше, какъ земное и динамическое явленіе: *свѣтовое*, происходящее частію отъ преломленія, частію отъ разложенія свѣтовыхъ лучей въ земной атмосферѣ, и *оптическое*, которое, подобно радугѣ, миражамъ и другимъ оптическимъ явленіямъ, существуетъ *реально*, можно сказать, лишь въ глазахъ наблюдателя (см. Gehlers Physical. Wörterb. т. V стр. 256—58 подъ словомъ: Himmel). Слѣдовательно Василій Великій правъ, отличая это небо (твердь) отъ неба первоначальнаго; но не правъ, считая его твердымъ тѣломъ. И св. Григорій нисскій, соглашаясь въ первомъ, справедливо опровергалъ его въ послѣднемъ случаѣ, считая, напротивъ, твердь „крайнимъ предѣломъ чувственной сущности, по которому, по причинѣ присно движимой силы, круговращается естество огня (или первобытнаго свѣта) и далѣе котораго нѣтъ ничего подобнаго познаваемому въ видимомъ“, т. е. вещественнаго, равно отвергалъ и мнѣніе его о *третьемъ* небѣ, понимая слова апостола Павла въ нѣкоторомъ духовномъ смыслѣ (Шестодн. его стр. 23—24, 26—28, 71—73.—Также св. I. Златоустъ въ объясненіи 8 ст. 1 гл. кн. Быт. замѣчаетъ, что „наименованіе неба выражается у евреевъ во множественномъ числѣ. Потому-то бл. Давидъ сказалъ: небеса небесъ не потому, что много небесъ,—тому не учить насъ бл. Моисей,—но потому, что на еврейскомъ языкѣ одинъ предметъ выражается множественнымъ числомъ“).

І. П с. 4 р. 20) ²⁴⁾. Подъ собраніемъ водъ въ одно вмѣстѣлице св. учитель разумѣетъ море, „не какъ какое-либо стеченіе водъ, но какъ преимущественное и наибольшее сборище ихъ, — цѣлую водную стихію“ (Бес. 4 стр. 67) ²⁵⁾.

24) Оригинальный отвѣтъ даетъ при этомъ святитель на вопросъ: „если тѣло тверди шарообразно, какъ показывается зрѣніе, а вода текуча и скатывается съ возвышенностей; то какъ было возможно утвердиться водѣ на кривой окружности тверди?—Если видимъ какую вещь съ внутренней вогнутости кругообразною, то вѣтъ еще необходимости заключать, что и вѣшняя ея поверхность сдѣлана шаровидно, вся выточена на станкѣ и гладко выведена. Иногда видимъ каменные потолки въ баялахъ и постройку пещеровидныхъ зданій, которыя, если смотрѣть изнутри, выведены полукружіемъ, а сверху строенія имѣютъ часто ровную поверхность. Посему ради такихъ причинъ не должны и сами они (возражающіе) затрудняться въ дѣлѣ, и насъ затруднять, какъ будто не можемъ удержатъ воды вверху“ (Бес. 3 стр. 46). Впрочемъ чѣмъ хуже это предположеніе того предположенія, какое нѣкоторые астрономы дѣлаютъ въ настоящее время относительно населенности луны. Изъ того, что „луна всегда обращена къ землѣ одною и тою же стороною“, именно легчайшею, такъ какъ „лунный шаръ составленъ будто бы изъ веществъ неоднородныхъ“, —умозаключаютъ: „если вѣтъ признаковъ существованія воды и воздуха на видимой сторонѣ луны, то, можетъ быть, другая ея половина не лишена этихъ элементовъ и способна къ поддержанію животной и растительной жизни“ (Гансенъ,—см. Фогта „Свойства лунной поверхности“ стр. 27—28, примѣч. переводчика Пальховскаго).

25) Здѣсь онъ задаетъ себѣ, между прочимъ, такой вопросъ: „*да соберется вода въ собраніе едино*: почему принадлежащее водѣ по природѣ, т. е. силу стремиться внизъ по скату, Писаніе приписываетъ повелѣнію Зиждителя?.. Ибо вода сама собою, по естественному стремленію внизъ, неминуемо должна была стекать туда, гдѣ была наибольшая впадина, и не прежде остановиться, какъ по сравненіи поверхности, а ничто не бываетъ такъ плоско, какъ поверхность воды“. И рѣшаетъ его такъ: „тебѣ особенно извѣстны стали движенія воды послѣ повелѣнія Владыки. Теперь она вездѣ растекается, непостоянна, по природѣ стремится въ покатыя и вогнутыя мѣста; но какую силу она имѣла прежде. нежели вслѣдствіе сего повелѣнія произошло въ ней такое стремленіе къ движенію, сего ты не знаешь... Разсуди же, что глаголь Божій творить самое естество, и повелѣніе, данное тогда твари, опредѣлило порядокъ сѣтвореннаго и на послѣдующее время“ (Бес. 4 стр. 63—4), т. е. святитель хочетъ сказать этимъ, что въ третій день вода впервые получила отъ Творца частный законъ движенія, собственно какъ вода нашей планеты, хотя вообще свойства текучести (разширяемости) имѣла она и прежде, потому что въ другомъ мѣстѣ еще раньше свѣ говоритъ объ ней: „отъ *разливающейся* на поверхности земли воды она не могла быть видимою“ (Бес. 2 стр. 22; см. стр. 28. Здѣсь — у Бытописателя дѣйствительно изображается впервые положенный Творцемъ законъ химическаго разчлененія воды и земли и притомъ главнымъ образомъ по отношенію къ растеніямъ, — Либихъ въ Письмахъ о химіи.

Обиліе воды Василій Великій противопоставляетъ огню, какъ средство для соразмѣренія разрушительныхъ его дѣйствій (Бес. 3 стр. 48 — 55, между тѣмъ какъ Григорій нисскій опять опровергалъ его и весьма пространно, — Шестодн. его стр. 33—62); вода (морская) служитъ источникомъ всей земной влаги, проникая по непримѣтнымъ многочисленнымъ скважинамъ въ землю; затѣмъ бывъ заперта въ кривыхъ проходахъ и гонимая движущимъ ее воздухомъ стремится наружу, проторгая поверхность земли, и дѣлается годною къ питью, чрезъ процѣживаніе теряя свою горечь²⁶⁾, а соприкасаясь во время переходенія металламъ заимствуетъ отъ нихъ теплоту и по такой же причинѣ, заключающейся въ движущемъ воздухѣ, дѣлается часто кипящею, даже огненною²⁷⁾, — превращаясь посредствомъ нагрѣванія въ пары, образуетъ дождь, утучняющій землю, а при возрастающемъ холодѣ замерзая — снѣгъ (Бес. 4 стр. 72 — 4; 3—56). — Далѣе говоря о свѣтилахъ небесныхъ, св. Василій назначеніемъ ихъ полагаетъ — освѣщать и согрѣвать землю, опредѣлять на ней день и ночь²⁸⁾, равно періодическія перемѣны

26) Василій В. предполагаетъ, какъ видно, что воды моря проходятъ въ рѣки, озера и различные источники единственно подземными путями; во по изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ главѣйшимъ путемъ для этого признается испареніе воды на поверхности моря, съ образованіемъ чрезъ то дождевыхъ тучъ.

27) Конечно св. Василій хотѣлъ указать этимъ на вулканы, происхождение которыхъ отъ воды, проникающей изъ моря во внутреннія полости земли, окисляющей тамъ металлы и превращающейся въ горячіе пары съ высокимъ давленіемъ, объясняютъ нѣкоторые и изъ новѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей—Амперъ, Гемфрей Дови, Сентъ-Клеръ-девилль, Фуке, Лайэль и др., хотя этого отнюдь нельзя сказать относительно всѣхъ вулкановъ: позднѣйшія изысканія заставили думать, что вулканическія изверженія и землетрясенія — результатъ горѣнія подземныхъ копей каменнаго угля, въ соединеніи съ дѣйствіемъ паровъ воды, проникающей съ поверхности земнаго шара къ подземному огню (существованіе котораго ограничиваютъ теперь собственно лишь пространствомъ между корою и внутреннимъ ядромъ земли), — Моръ, Прествичъ, Анжело, Сименсъ, Чермакъ-вѣнскій академикъ и др.

28) Здѣсь св. Василій опять замѣчаетъ: „и выше—разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою; но тогда природу ихъ привелъ въ противоположность, чтобы они не смѣшались между собою и у свѣта не было общенія со тьмою. Ибо что днемъ есть тѣнь, то (надобно представлять себѣ) ночью составляетъ природу тьмы. Если всякая тѣнь отъ тѣль, освѣщенныхъ какимъ нибудь лучемъ,

временъ года и предвозвѣщать перемѣны случайныя— въ атмосферѣ, напр. ведро и ненастье, движеніе вѣтровъ и т. п. (Бес. 6 стр. 97 — 103, 110—12). О величинѣ солнца и луны онъ говоритъ, что ихъ не должно принимать въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ кажутся. По причинѣ слишкомъ дальняго разстоянія отъ земли до солнца наше зрѣніе какъ бы поглощается средою (воздухомъ) и ослабѣваетъ, не достигая вполне самаго солнца (преломленіе лучей свѣта), вслѣдствіе чего оно и представляется нашему взору малымъ кругомъ— „въ локоть“; но величину солнца, равно какъ и луны, подтверждаютъ обитатели различныхъ частей земнаго шара, которымъ они отсюду представляются равными и въ равномъ разстояніи, въ какой части неба ни бывають. Иначе еще какимъ бы образомъ солнце могло въ одно мгновеніе времени освѣтить всю землю, если бы не изъ великаго круга посылало лучи свои; звѣздъ на небѣ безчисленное множество, но всѣ онѣ въ совокупности не имѣють такой степени свѣтлости, какъ одно солнце (Бес. 6 стр. 113—16, 119—20.— Св. Григорій нисскій также соглашается съ тѣми, кои солнце

падаетъ со стороны противоположной свѣту... то и ночь отступаетъ въ сторону противоположную лучамъ, будучи по природѣ своей не что иное, какъ земная тѣнь. Какъ днемъ тѣнь неразлучна съ преграждающимъ лучъ; такъ и ночь обыкновенно происходитъ, когда воздухъ около земли затѣненъ. *И сіе значитъ сказанное: разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою; ибо тьма убѣгаетъ вторжей свѣта вслѣдствіе того естественнаго побужденія чуждаться другъ друга, какое вложено въ нихъ при первомъ сотвореніи*“ (стр. 101). Впрочемъ таково уже свойство еврейскаго языка, что, „при своей простотѣ и нѣкоторой небрежности выраженія, онъ преизобилуетъ иногда повтореніями“ (Зап. на вн. Быт. сто. 182),—на что обращали вниманіе и свв. отцы церкви. Напр. бл. Феодоритъ говоритъ: „Бытописатель учить и тому, какимъ образомъ сотворена твердь: *и сотвори*, пишетъ онъ, *Богъ твердь и разлучи Богъ*“ и проч. (Толк. на вн. Быт. ч. III стр. 333). А св. Григорій нисскій прямо замѣчаетъ на это мѣсто: „что происходитъ необходимо по самой послѣдовательности естества въ нѣкоемъ порядкѣ и стройности, Моисей приписываетъ Божіей дѣятельности, научая, какъ думаю, сказаннымъ, что Божією премудростью предумышлено все, произшедшее впоследствии одно за другимъ въ необходимомъ нѣкоемъ порядкѣ. Ибо когда свѣтоносная сущность, разсыпанная во вселенной, стеклась къ среднему и вся собралась вокругъ себя; тогда, омрачаемая прочимъ веществомъ стихій, необходимо затѣнялась, и эта тѣнь была тьма“ (Шестодн. его стр. 17—18.).

считаютъ несравненно большимъ земли, и доказываетъ это тѣмъ, что тѣнь земная простирается въ безконечность, — Шестодн. его стр. 37 — 38. Анаксимандръ говоритъ, что солнце есть кругъ въ 28 именно разъ большии, чѣмъ земля). При этомъ святитель, иронизируя такъ называемую (напр. у пифагорейцевъ) „гармонію семи подвижныхъ и осмой неподвижной планетныхъ сферъ. или небесныхъ круговъ, по которымъ вращаются семь звѣздъ и которые, какъ говорятъ, приурочены другъ къ другу на подобіе кадей, одна въ другую вложенныхъ, а движутся противоположно вселенной“ (Бес. 3 стр. 44 — 5; согласно же съ системой Птолемея лишь 6 небесныхъ сферъ окружаютъ землю, — Излож. вѣры Дамаск. стр. 61 и 105), превосходно опровергаетъ нелѣпыя соображенія астрологовъ, поставляющихъ судьбу новорожденнаго младенца въ зависимость отъ звѣздъ и предвѣщающихъ различную участь человѣку по различному положенію ихъ (гороскопъ, — стр. 104—10), точно также и народное суевѣріе, которое онъ называетъ повсюднымъ для своего времени и которое въ ходу и у насъ по деревнямъ, будто бы чародѣи могутъ низводить луну съ неба на землю (стр. 119). Но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ онъ принимаетъ мнѣнія не совсѣмъ правильныя, противорѣчущія нынѣшней опытной наукѣ. Такъ, отвергая мысль нѣкоторыхъ, что солнце не имѣетъ теплоты само въ себѣ, а пріобрѣтаетъ ее отъ чрезвычайно быстрого обращенія (вокругъ своей оси?) (Бес. 3 стр. 54), онъ допускаетъ однакожъ въ системѣ свѣтилъ небесныхъ движеніе солнца надъ землею (Бес. 6 стр. 112; 3—54), которая, непостижимо вися сама на себѣ, — держась собственною своею тяжестью²⁹⁾, по, принимаемому имъ, объясненію нѣкоторыхъ естествоиспытателей, „остается неподвижною, какъ занимающая среднее мѣсто въ мірѣ и удаленная отъ краевъ на равное разстояніе во всѣ стороны“ (т. е.

²⁹⁾ Припомнимъ себѣ знаменательныя слова перовой пѣсни: „водрузивъ на ничесомже землю повелѣніемъ Твоимъ и повѣсивъ *неодержимо тяготѣющую*“, или другой: „Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю *неодержимо*“, также слова Псалма. *Основаяя землю на тверди ея* (въ небесномъ пространствѣ круговращающуюся, — Слп 5; см. Пс. LXXIV 4; Іов. XXXVIII 6).

равновѣсіе это происходитъ отъ притяженія земли небесными тѣлами во всѣ стороны съ равною силою,—Бес. 1 стр. 17; 3 — 49; сл. 2 Слово св. Григ. Бог. т. III стр. 38)³⁰. Такое предположеніе, несогласное для нашего времени съ общимъ мнѣніемъ, подтвержденнымъ многими опытами и путешествіями, объясняется у Василія Великаго или существованіемъ его въ наукѣ (космогоніи) въ IV вѣкѣ, или же тѣмъ

30) Геоцентрическая теорія, по которой земля составляетъ неизмѣнно-покоющуюся средоточіе всего движущагося, принадлежать Архимеду, Платону, Аристотелю, Плутарху и особенно впослѣдствіи Птоломею александрійскому (139 г. по Р. Х.) и она была самою распространенною въ древности, хотя тогда же небезызвѣстно было напр. пифагорейцамъ и гелиоцентрическое представленіе въ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ; именно Филолай *первый* изложилъ космическую систему въ такомъ духѣ и видѣ, Аристарха же самосскаго (280 г. до Р. Х.) можно считать даже предшественникомъ Коперника въ древности. Впрочемъ они такъ учили не на основаніи опытныхъ доказательствъ, а на основаніи требованія геометрической гармоніи, т. е. что „самое совершенное и божественное въ природѣ, каково именно солнце (собственно огонь) должно быть неподвижнымъ, а слѣдовательно всѣ прочія міровыя тѣла, въ числѣ ихъ и земля, должны вращаться около солнца; вмѣстѣ съ этимъ *поступательнымъ* (годовымъ) движеніемъ земнаго шара вокругъ солнца, пифагорейцами допускалось и *вращательное* (суточное?) движеніе его вокругъ земнаго центра (своей оси?).— О самоѣ фигурѣ земли св. Василій замѣчаетъ: „писавшіе о мірѣ много разсуждали о фигурѣ земли, что она такое, шаръ ли, или цилиндръ, или походить на кружокъ, со всѣхъ сторонъ одинаково обточенный, или на лотокъ, имѣющій въ срединѣ впадину“ (Бес. 9 стр. 158). Древніе сначала считали землю громадною поверхностью, ровною, нескончаемою, которая служитъ фундаментомъ міра и поддерживаетъ небо. Но потомъ, замѣтивъ, что, куда бы ни направлялся взоръ, земля представляется всегда круглою, стали считать ее плоскою и круглою поверхностью, ограничевою окружностью и пускающею корни въ безконечность. Фалесъ полагалъ, что земля имѣетъ форму круглаго диска; Анаксимандръ представлялъ землю въ видѣ цилиндра, который имѣетъ въ высоту треть своего діаметра и котораго только верхняя часть обитаема. Другіе представляли землю въ формѣ куба и т. д. (Фламмаріона „Исторія неба“ стр. 326—31). Къ признанію шарообразности земли, кромѣ самого св. Василія В., склоняются св. Григорій нис. (въ сочиненіи „О душѣ и воскресеніи“ стр. 247—8, въ рус. пер. ч. IV, 1862 г.) и св. І. Дамаскинъ (въ „Излож. вѣрѣ“), также замѣчалъ, что „нѣкоторые считаютъ землю шаровидною, другіе же похожую на конусъ. Ф. Лактанцій, св. Златоустъ и бл. Августинъ возставали противъ мнѣнія о шарообразности земли и особенно о существованіи антиподовъ, „такъ какъ о такой расѣ не упоминается въ Св. Писаніи въ числѣ потомковъ Адама“; архіеп. Бонифація возмущала мысль о цѣломъ мірѣ человѣческихъ существъ, для которыхъ недоступны пути ко спасенію“ (тамъ же—у Фламмаріона).

первенствомъ, которое отдаетъ онъ Священному Писанію предъ наукою (т. е. извѣстнымъ, узко-буквально понимаемымъ выраженіямъ Библии общаго смысла). Также онъ превеличиваетъ вліяніе луны на землю: онъ говоритъ, что „луна (свѣтящая заимствованнымъ отъ солнца свѣтомъ) имѣетъ не малое вліяніе, кромѣ морскихъ приливовъ и отливовъ и нѣкоторыхъ видоизмѣненій въ воздухѣ, на самое устройство животныхъ и на прочія земныя произведенія, что будто съ ущербомъ луны тѣла дѣлаются тонки и тощи, а при возрастаніи ея опять полнѣютъ, потому что луна непримѣтнымъ образомъ сообщаетъ имъ какую-то влажность, растворенную теплотою и проникающую во внутренность“ (Бес. 6 стр. 117) ³¹⁾. Вообще пужно замѣтить, что отсутствіе какъ научнаго опыта, такъ и строгаго анализа или критики въ тогдашней естественной наукѣ, естественно, пролагало путь къ неопредѣленностямъ, сбивчивымъ понятіямъ, къ поверхностнымъ и даже ошибочнымъ взглядамъ на природу. Избѣжать всего этого—не было возможности. И мы очень часто, въ каждой Бесѣдѣ „Шестоднева“ Василиева встрѣчаемъ примѣры то темнаго, то бѣлаго, то шаткаго и двусмысленнаго объясненія ³²⁾. Василию Великому о многомъ приходилось гово-

---

³¹⁾ Василий В. старается подтверждать это и примѣрами: „доказываютъ же это (указанное вліяніе луны) тѣ, которые спятъ на лунномъ свѣтѣ и у которыхъ головныя пустоты наполняются излишнею влагою, а также мясо недавно убитыхъ животныхъ, которыя отъ паденія на нихъ лунныхъ лучей скоро портятся, и еще мозги животныхъ, влажность животныхъ морскихъ и сердцевины деревъ“ (?—тамъ же стр. 117). Но уже св. Амвросій мед. не соглашался вполнѣ съ Василиемъ (Шестодн. его I. IV с. 7)... А впрочемъ и знаменитый Бокснъ († 1626 г.) утверждалъ, что луна „вытягиваетъ теплоту изъ земли, увеличивая сырость, и производитъ гниеніе“ (Histor naturalis или Sylva Sylvarum, изд. 1846 г. стр. 890). Наоборотъ, наблюденія современныхъ намъ ученыхъ показываютъ, что земля получаетъ нѣкоторое, правда весьма незначительное, количество отраженной теплоты отъ своего спутника, особенно во время полнолунія, такъ какъ болѣе большинство тепловыхъ лучей луны поглощается верхними слоями атмосферы. Съ другой стороны, несомнѣнно, что луна оказываетъ не малое вліяніе на измѣненія погоды: извѣстный метеорологъ Бука-де-ле Грей своими многочисленными наблюденіями подтверждаетъ справедливость пророческихъ прѣдвѣщаній, что между перемѣнами погоды и различными фазами луны существуетъ нѣкоторое достойное соотношеніе.

³²⁾ Не отъ того ли и происходитъ то, что свидѣтельствами изъ „Шестоднева“

рять на основаніи одного только аргюги, и онъ самъ признавался въ своихъ слабыхъ въ данномъ отношеніи средствахъ, самъ не отвергалъ въ своемъ Опытѣ промаховъ и неточностей. Онъ постоянно удивляется своей попыткѣ говорить о чудесахъ природы, постоянно напоминаетъ о разнообразіи и неисчислимости естественныхъ предметовъ и приходитъ къ той мысли, что ему нельзя все изслѣдовать, все объять своимъ вниманіемъ, что ему очень легко при болѣе напряженномъ и усиленномъ изученіи *прийти*, такъ сказать, *ни къ чему*.

Теперь, минуя царства ископаемое (миперальное) и растительное, изъ которыхъ о первомъ св. Василій Великій почти ничего не говоритъ (потому, безъ сомнѣнія, что объ немъ ничего не говорится въ исторіи міротворенія), а описанію втораго хотя и посвящаетъ особую Бесѣду (5), но описываетъ его весьма кратко и безъ всякихъ особенностей для науки³³⁾, — перейдемъ прямо къ царству животныхъ, гдѣ зо-

---

Василіева хотѣть пользоваться какъ иностранце, такъ и наши отечественные писатели съ совершенно различными взглядами и сужденіями опрезметъ.

33) Це дѣлая почти никакой классификаціи растений,—но его мнѣнію, вдругъ и мгновенно покрывшихъ собою всю землю—конечно „въ начаткахъ каждой породы“, т. е. общихъ и основныхъ видовыхъ типахъ (см. ниже примѣч. 43 къ концу) (святитель упоминаетъ лишь *вообще* о растеніяхъ садовыхъ и дикихъ, растущихъ въ водѣ и на сушѣ и т. д. стр. 93),—онъ въ своей ботаникѣ сообщаетъ намъ *общія* свѣдѣнія о процессѣ произрастанія, говоритъ о питаніи сѣмени, появленіи ростка, былія или травы, стебля,—о питаніи ихъ посредствомъ влаги, всасываемой корнями и проходящей въ стебель и листья; далѣе говоритъ о составныхъ частяхъ растений—корнѣ, стеблѣ, плодѣ, о самомъ оплодотвореніи ихъ посредствомъ сѣмени (плодотворной пыли) и о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ видахъ растений. Замѣчательно, что Василій Великій опровергаетъ мнѣніе, будто произрашеніе растеній зависитъ единственно отъ солнца (стр. 76), и говоритъ еще, что въ равъ роза росла безъ шиповъ, которые явились на ней уже впоследствии—за грѣхъ человѣка (стр. 84). Подобнымъ образомъ Теціалъ изъ грѣха прародителей производить ядовитость нѣкоторыхъ растений (Рѣчь къ еллинамъ гл. 19); св. Теофилъ ант.—дикость звѣрей, говоря: „животныя называются дикими отъ того, что одичены. Не были они вредны и ядовиты сначала, но грѣхъ человѣка внесъ порчу въ нихъ; когда же человѣкъ возвратится къ тому, что согласно съ природой, возвратятся и звѣри къ прежней своей кротости“ („О звѣрь“ кн. 11 гл. 17); бл. Августинъ—появленіе уродоу (Contr. Iulian op. imperf. V 8), а Исидоръ испанійскій—ослабленіе свѣта солнечнаго и луннаго (Ordo creat. с. 5). Но въ настоящее время естествознаніе доказало, что убійство и смерть цар-

ологическія понятія того времени представляют не мало оригинальности и интереса для насъ.

Все царство животныхъ, по плану Василія Великаго, раздѣляется на три главныхъ отдѣла: живущихъ на сушѣ (или наземныхъ), летающихъ и водныхъ (или плавающихъ).

Въ описаніи перваго отдѣла животныхъ, т. е. живущихъ на сушѣ у св. Василія нѣтъ почти никакого дѣленія на классы, порядки (отряды), семейства, роды и виды. Вѣроятно, это произошло отъ недостаточнаго знанія устройства животнаго организма (напр. нервной системы) и процесса дыханія, пищеваренія, кровообращенія и другихъ физиологически-эмбриологическихъ признаковъ, по которымъ, какъ извѣстно, классифицируются животныя въ наукѣ (такъ какъ и естествоиспытатели тогдашніе весьма мало занимались физиологіею и анатоміею животныхъ, да и вообще они излагаютъ въ своихъ естество-историческихъ сочиненіяхъ отдѣльно разсѣяныя свѣдѣнія, а не данныя, основанныя на собственныхъ изысканіяхъ). Съ другой стороны, — и это главное, — цѣль Бесѣдъ, говоренныхъ съ церковной кафедрой пароду — духовно-правственное назиданіе, могла внушить оратору свой собственный порядокъ въ распредѣленіи земныхъ животныхъ, не требующій особенной строгости и систематичности научной. И это послѣднее, говоримъ, тѣмъ болѣе достовѣрно, что еще Аристотель и Плиній раздѣляли животныхъ на два большія отдѣленія, именно: на животныхъ, *имѣющихъ красную кровь*, къ которымъ они относили четвероногихъ живородящихъ (*vivipares*) и яйцеродныхъ (*ovipares*), рыбъ и птицъ, и животныхъ *безкровныхъ* (съ бѣлою кровью), къ которымъ причислялись у нихъ мясистыя, черепахожія, раковины и насекомыя (эта классификація соотвѣтствуетъ нынѣшнему дѣ-

ствуютъ въ животномъ мірѣ съ самаго начала, что плотоядныя животныя во всѣхъ породахъ животнаго царства также дѣсны, какъ самыя жиры животныхъ, и что тѣ самыя, въ сущности, законы, которые теперь господствуютъ въ мірѣ существъ органическихъ — животныхъ и растений, — господствовали и во времена не-обыкновенной исторіи всемірной. Следовательно не должно преувеличивать слѣдствій, которая — первый шагъ вмѣстѣ для самого человека и окружающей его природы — вознѣшен до слишкомъ широкихъ теллурическихъ и космическихъ предѣловъ (см. еще ниже примѣч. 41).

ленію животныхъ на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ); значить, Василій Великій не то что не могъ, но явно не хотѣлъ воспользоваться подобными научными свѣдѣніями о животныхъ (какъ это яспѣе видно будетъ въ рѣчи о птицахъ). И если можно сдѣлать какое нибудь подраздѣленіе животныхъ, живущихъ на сушѣ (какъ и послѣдующихъ отдѣловъ) по „Шестодневу“ Василиеву, подвести ихъ подъ классы и порядки, то основаніемъ для этого будетъ служить опять-таки не различный составъ животнаго организма, не процессъ дыханія или кровообращенія, но самый образъ жизни животныхъ, какія нибудь особенныя свойства, инстинкты и привычки ихъ. (Въ XV и XVI вѣкахъ еще дѣлили животныхъ по мѣстожительству). Въ такой драматически-описательной характеристикѣ различныхъ животныхъ высказались все искусство, самая тонкая наблюдательность нашего богослова-естествоучителя, неподражаемая и незамѣнимая никакою зоологическою номенклатурой. Принявъ это въ основаніе для дѣленія, животныхъ живущихъ на сушѣ можно раздѣлить, хотя не строго, на слѣдующіе классы или отряды: по образу жизни и роду пищи животныя бываютъ—хищныя и плотоядныя и не хищныя, но плотоядныя³⁴⁾, и между ними собственно домашнія и дикія, хотя дѣлающіяся ручными.

Къ плотояднымъ животнымъ—дикимъ, питающимся ловлей другихъ животныхъ и для того снабженнымъ острыми зубами, принадлежатъ у Василія Великаго: медвѣдь, барсъ, левъ, волкъ и лисица: къ плотояднымъ—домашнимъ—собака. Медвѣдь облеченъ въ тѣло тяжелое, плотное, не имѣющее составовъ (?), дѣйствительно приличное звѣрю холодному, жи-

34) Примѣнительно къ этому св. отецъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе касательно распложенія четвероногихъ животныхъ: „животныя, удобно уювяемыя, бываютъ многоплодны. Поэтому зайцы и дикія козы рожаютъ дѣтей по многу, а дикія овцы двойни, чтобы не оскудѣлъ родъ, истребляемый плотоядными звѣрями. Напротивъ животныя, пожирающія другихъ, рожаютъ дѣтей по немногу. Посему лисица едва бываетъ матерью и одного льва“ (Бес. 9 стр. 167). Ученые высказываютъ еще такое сужденіе, основанное на практическомъ наблюдении: для поддержанія равновѣсія въ жизни природы требовалось, чтобы животныя обладающія высокою плодовитостью, огарены были въ тоже время болѣе короткою индивидуальною жизнью, а животныя менѣе плодовитыя, напротивъ, болѣе продолжительною.

вущему въ берлогѣ. Шея у него короткая и вдалась въ плечи. Онъ не поворотливъ, коваренъ и глубоко скрытенъ. Барсъ (леопардъ или рысь) стремителенъ и быстръ въ своихъ нападеніяхъ. Этому много способствуетъ устройство его тѣла, при гибкости и легкости успѣвающее слѣдовать за душевными движеніями. Левъ любитъ одинокую жизнь и склоненъ къ ярости. Онъ, какъ царь безсловесныхъ, по природенному своему презорству не терпитъ себѣ равныхъ и не общается съ звѣрями подобнаго рода. Онъ не допускаетъ до себя съ вечера приготовленной пищи и не возвращается къ остаткамъ своей добычи. („Левъ, какъ слыхалъ я, ишетъ Григорій Б—въ, растерзавъ звѣря, имъ умерщвленнаго, гнушается остатками своего пира; при этомъ сказываютъ, что онъ, попеременно, въ одинъ день вкушаетъ пищу, а въ другой однимъ питьею прохладжаетъ жадную гортань, чтобы приучить къ воздержанію чрево“, — Слово XI въ рус. пер. ч. IV стр. 265). У него такой страшный голосъ, что многія животныя, превосходя его быстротой, нерѣдко бывають уловлены однимъ его рыканьемъ. Львица, рождающая не больше, какъ по одному львенку, питаетъ особенную любовь къ своимъ дѣтямъ, — служа примѣромъ чадолобія; по разсказываютъ, что львенокъ сперва острыми когтей растерзываетъ матернюю утробу, а потомъ выходитъ на свѣтъ (?). (По Елифанію же кипрскому „львица рождаетъ свое дитя мертвымъ и хранитъ его въ такомъ положеніи три дни, пока не оживитъ львенка самецъ“, — *Physiologus* c. I—II, — см. у *Migne Patrolog. curs. compl. t. XVIII p. 517—20*)³⁵⁾. Волкъ по своей дикости не можетъ сдѣлаться ручнымъ. Но замѣчательно, что и онъ вступаетъ въ бой за своихъ волчатъ³⁶⁾. Лисица—лукава. Въ лисицѣ и также въ медвѣдницѣ

³⁵⁾ Подобные коммюлятивные сборники до и особенно послѣ Елифанія — въ символически-визитическомъ тонѣ и съ основовно—зоологическими свѣдѣніями извѣстны на всѣхъ языкахъ подъ именами „Физиологовъ“ и частице „Вестиаріевъ“. — И ехидны (изъ породы пресмыкающихся змѣй), читаемъ мы у св. Василія, рождаются, прогрызая утробу рождающей (?) и тѣмъ воздавая ей великую награду“. Такиа образомъ и „Шестодневъ“ его нерѣдко отличается, такъ сказать, эвическимъ оттенкомъ, напоминающимъ нѣкоторые разсказы древне и средне-вѣковыхъ путешественниковъ о видѣнныхъ ими предметахъ и слышанныхъ исторіяхъ. Но къ чести автора—святытеля нужно сказать, что онъ въ подобныхъ случаяхъ всегда почти дѣлаетъ оговорку: „говорять, разсказываютъ“.

³⁶⁾ Безусловно нельзя сказать, что волкъ не ручимъ. „Волкъ принадлежитъ

замѣтно большое чувство самосохраненія, — такъ что своимъ примѣромъ онѣ и насъ могутъ побуждать „къ сохраненію себя самихъ и къ промышленію о спасеніи душъ“. — Такъ медвѣдица, когда нанесены ей глубокія раны, часто лечитъ сама себя, всѣми способами затыкая язвы, имѣющею свойство сушить, травю коровьякъ (иначе царскій скипетръ), а лисица лечитъ себя сосновою смолою ³⁷). Собака благодарна и памятлива въ дружбѣ, — обличая собою „неблагодарныхъ къ благодѣтелямъ“. „Разсказываютъ, что многіе псы, когда господа ихъ были убиты въ пустомъ мѣстѣ, умирали надъ ними; а нѣкоторые, вскорѣ по совершеніи убійства, служили путеводителями сыщикамъ убійцъ и открывали злодѣевъ“ ³⁸).

Не плотоядныя животныя (собственно жвачныя) вооружены зубами только вполонину, но за то они снабжены многими

къ числу живыхъ, которыхъ называютъ свирѣбыми, но которыя однакожь могутъ сдѣлаться въ высшей степени привязанными къ человеку. Есть много примѣровъ необыкновеннаго развитія этой привязанности у волка (Бестевъ. Исторія въ разсказахъ Д. Франклина т. 1 стр. 73, 1862 г. Спб.). Можетъ быть, дѣйствительно бывали даже волчцы-кормилицы; (примѣните исторію Ромула и Рема). О прирученности волковъ много разсказываетъ также А. Времъ, а о родительскихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ самца и самки замѣчаетъ: „волчица любить дѣтей очень нѣжно, заботится объ нихъ постоянно и защищаетъ самоотверженно отъ всякой опасности, по всего яростнѣе отъ нападений своей же братии... Она бережно прячетъ волчатъ въ какой нибудь ямѣ, пока они не выучатся бѣгать, отъ глазъ другихъ, потому что супругъ ея первый безъ зазрѣнія совѣсти поѣлъ бы свое потомство, если бы оно ему попалось только подъ зубы“ (Иллюстрированная жизнь животныхъ т. 1 стр. 420, 1866 г. Спб.).

37) Также „черепаша, наѣвшися ехидниной плоті, избѣгаетъ вреда отъ яда, употребивъ вмѣсто противоядія душицу. И змѣя вылечиваетъ больные глаза, наѣвшися волскаго укропа“.

38) Св. Отецъ распространяется еще о смыслености пса. „Песъ не одаренъ разумомъ, но имѣетъ чувство (или чутье) почти равносильное разуму. Что едва изобрѣтай мірскіе мудрецы, просидѣвъ надъ симъ большую часть жизни — разумью хитросплетеніе умозаключеній, тому песъ оказывается наученнымъ отъ природы. Ибо, отыскивая звѣриный сѣдлъ, когда найдеть, что оныя раздѣлился на многія звѣни, обѣщаетъ увлеченія туда и сюда и гѣмъ, что дѣлаетъ, почти выговариваетъ слѣдующее умозаключеніе: или сюда поверотилъ звѣрь, или сюда, или въ эту сторону. Но какъ не пошелъ онъ ни туда, ни сюда, то остается бѣжать ему въ эту сторону. И такимъ образомъ чрезъ отрицаніе ложнаго находятъ истинное. Болѣе ли сего дѣлаютъ тѣ, которые, чинно сидя надъ доскою и пиша на пили, изъ трехъ предложеній отрицаютъ два и въ остальномъ находятъ истину“ (стр. 166). — Не понятно, почему Василій Великій ничего не говоритъ объ обезьянахъ, у которыхъ еще больше видно смыслености и вообще человекоподобія. Св. 1. Златоустъ упоминаетъ объ обезьянахъ въ Бес. 7 на кн. Быт. и въ Бес. 9 къ антиох. народу.

и различными влагалищами для пищи. Такъ какъ они не могутъ съ перваго раза достаточно разжевать пищу, то Творецъ далъ имъ возможность отгрыгать поглощаемое, чтобы измельченное посредствомъ жвачки усвоилось питаемому. Къ не плотояднымъ или травояднымъ вообще животнымъ — домашнимъ относятся: конь, волъ, овца, верблюдъ и осель; къ не плотояднымъ — дикимъ, но дѣлающимъ ручными: олень и слонъ. Конь горячъ въ воздѣленіи другаго пола. „Стойкій“ волъ, равно и овца одарены особеннымъ чутьемъ: волы, долго запертые въ продолженіи зимы, съ приближеніемъ весны, по естественному уже чувству узнавъ перемѣну, начинаютъ смотреть туда, гдѣ выходъ изъ хлѣвовъ, и все какъ бы по данному знаку перемѣняютъ свое положеніе. Овца предъ наступленіемъ зимы съ жадностью нападаетъ на кормъ, какъ бы наждаясь на время будущей скудости³⁹⁾. — У безсловесныхъ есть „нѣкоторое чувство будущаго“: намъ ли „пригнѣяться къ настоящей жизни и не имѣть попеченія о будущемъ?“ — Игненокъ, выскочивъ изъ хлѣва, среди тысячи овецъ, знаетъ самый цвѣтъ и голосъ матери и сбѣгать къ ней, ища своихъ собственныхъ источниковъ молока, и мать въ тысячѣ ягнятъ узнаетъ своего. — Примѣръ „родителямъ и дѣтямъ“, какъ должно любить другъ друга. — У верблюда шея долга, чтобы она равнялась ногамъ и доставала до травы, которою кормится онъ. Памятозлюбіе и гнѣвливость его очень сильны: верблюдъ (котораго еврейское имя *hamal* происходитъ отъ глагола, означающаго именно *воздавать, платить равнымъ за равное*), если давно когда нибудь ударенъ, долгое время таивъ гнѣвъ, какъ скоро случается удобный случай, отмщаетъ за обиду. — Вотъ „кому уподобляются жестокосердые и памятозлюбивые“. — Осель — лѣнивъ. Онъ знаетъ привычный голосъ, знаетъ дорогу, по которой много разъ ходилъ, а иногда бываетъ путеуказателемъ и челоуѣку, сбившемуся съ дороги; такой же остроты слуха, какая у

³⁹⁾ Подобнымъ „предузнаніемъ воздушныхъ перемѣнъ“ отличается и живущій на сумѣ ежъ, который, по замѣчанію нѣкоторыхъ наблюдателей, „дѣлаетъ въ норѣ своей двѣ отдушины, и если будетъ дуть сѣверный вѣтеръ, закладываетъ отдушину съ сѣвера, и опять, когда начинается дуть южный вѣтеръ, переходитъ къ сѣверной отдушинѣ“.

него, не имѣть ни одно изъ земныхъ животныхъ. — Оленя св. Василій Великій характеризуетъ однимъ словомъ „боязливъ“. Напротивъ, слона описываетъ подробно: видно, что онъ хорошо знаетъ это животное. Слоны имѣть хоботъ — этотъ „носъ“ спускающійся до ногъ и замѣняющій для него шею, который по природѣ гибокъ, сжимается и разжимается паподобіе змѣи. Хоботомъ онъ поднимаетъ съ земли пищу и черпаетъ питье. Голова у слона соединена съ хоботомъ не многими шейными позвонками; ноги у него цѣльныя и безъ составовъ (въ падколѣньи и въ колѣнѣхъ?) и какъ соединенныя столбы подпираютъ тяжесть тѣла. А если бы, замѣчаетъ святитель, замѣнить ихъ нѣжными и слабыми мышцами, то у слона часто случались бы вывихи въ суставахъ, которые были бы недостаточны къ поддержанію тяжести туловища, когда слонъ становится на колѣна или встаетъ. Это животное, величайшее изъ всѣхъ живущихъ на сушѣ и однакоже сотворенное покорнымъ человѣку, живетъ, какъ повѣствуютъ нѣкоторые, триста и болѣе лѣтъ.⁴⁰⁾ На сраже-

⁴⁰⁾ Неверное мнѣніе, что у слона нѣтъ сочлененій въ ногахъ, вслѣдствіе чего онъ будто бы не можетъ ни ложиться, ни вставать, а спитъ стоя, принадлежитъ Ктезіасу, придворному врачу Артаксеркса Мнемона, который *первый* изъ грековъ составилъ описаніе слона, видѣннаго имъ въ Вавилонѣ и, вѣроятно, привезеннаго изъ Индіи. Возрастъ, до котораго слонъ можетъ дожить вообще, опредѣляютъ весьма различно: отъ 120 до 200 лѣтъ, какъ Аристотель, Бюффонъ и Кювье, иные же даже до 400 и 500 лѣтъ. Дѣйствительно одинъ изъ слоновъ Александра Македонскаго (въ войнѣ съ которымъ Дарій *первый* употребилъ слоновъ), послѣ покоренія имъ индійскаго короля Норуса посвященный имъ Солнцу съ именемъ Аякса и отпущенный на свободу съ особою надписью, найденъ былъ потомъ будто бы спустя 350 лѣтъ. Впрочемъ теперь принимаютъ, что средняя продолжительность жизни слоновъ равняется приблизительно 70 годамъ. Ученые пытались и пытаются выяснять самыя причины долголѣтія животныхъ вообще и установить критерій для опредѣленія нормальной продолжительности ихъ жизни. Такъ, по мнѣнію Кардана, болѣе или менѣе срокъ продолжительности жизни организма зависитъ обратно—пропорціонально отъ болѣе или менѣе способности его къ движенію, такъ какъ „мышечныя движенія усиливаютъ испарину и потѣние сокращаетъ жизнь“, и,—къ удивленію, Бэконъ раздѣляетъ это мнѣніе, не пути совѣтуя съ цѣлю продленія жизни маслянистыя втиранья въ кожу, какъ Мошертіи покрытіе тѣла дегтемъ, для прекращенія кожей испарины. Затѣмъ Бюффонъ *первый* сдѣлалъ попытку установить физиологическій законъ продолжительности жизни и въ основу его положилъ періодъ роста даннаго животнаго вида, т. е. времени сращенія тѣла костей съ ихъ хрящевыми оконечностями,

нихъ слоны, подобно какимъ-то одушевленнымъ башнямъ, идутъ передъ рядами, или, подобно плотнымъ холмамъ, въ неудержимомъ стремленіи прорываютъ сплоченные щиты неприятелей ⁴¹⁾.

Обращаемся теперь къ описанію по „Шестодневу“ Василюву втораго отдѣла животныхъ — летающихъ. Этотъ отдѣлъ животныхъ составляютъ птицы и всѣ насекомыя, летающія въ воздухѣ ⁴²⁾. — Приступая къ описанію пернатыхъ живот-

---

помножая число лѣтъ, въ теченіи которыхъ совершается ростъ организма, на 7, какъ послѣ него Флурансъ—на 5, чтобы въ произведеніи получить нормальную или среднюю продолжительность жизни. Связь между общею продолжительностью жизни животныхъ и періодомъ ихъ роста несомнѣнно существуетъ, и потому первая можетъ измѣняться на основаніи послѣдняго, съ вѣроятнымъ заключеніемъ, что чѣмъ быстрее заканчивается ростъ известнаго животнаго, т. е. чѣмъ короче онъ, тѣмъ короче бываетъ и вся продолжительность жизни этого животнаго. Но, кромѣ срока какъ внутриутробнаго развитія, такъ и періода роста животнаго, продолжительность жизни его находится въ зависимости отъ множества еще другихъ условий и, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ біологовъ, главнѣйше обуславливается химическимъ составомъ самаго зародышеваго яйца, опредѣляющимъ какъ силу созидательныхъ и разрушительныхъ процессовъ, такъ и скорость ихъ теченія по всей жизненной линіи организма (не исключая и человеческого).

⁴¹⁾ Въ концѣ Бесѣды о животныхъ земныхъ (последней въ „Шестодневѣ“) св. Василій Великій предлагаетъ слѣдующее соображеніе на счетъ вредныхъ животныхъ: „никто не ставь въ вину Творцу, что Онъ произведъ животныхъ зловитыхъ, разрушительныхъ и враздѣбныхъ нашей жизни. Иначе станетъ кто нибудь винять и пѣстовать, что онъ удобоподвижность юности приводитъ въ порядокъ ударами и бичами уцѣломудриваетъ процерзость. Звѣри дѣлаются и доказательствомъ вѣры“. Затѣмъ, приведши слова Псалма: *на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змія* (ХС 13) и указавъ на примѣръ апостола Павла, въ известномъ случаѣ (Дѣян. XXVIII 3 - 6) не потерпѣшаго никакого вреда отъ ехидны, онъ продолжаетъ: „я ты по вѣрѣ имѣешь власть поипарить змѣй и скорпіоновъ. А если не имѣешь вѣры; то бойся не звѣря, а своего паче чевѣри, чрезъ которое сдѣлалъ ты себя отъ всего удоборазрушаемымъ“ (Бес. 9 стр. 170; сл. Бес. 5 о „прозябѣніяхъ земли“, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, о вредныхъ растеніяхъ: „для тебя довольно живущаго въ тебѣ разума, чтобы предохранить себя отъ вреднаго“—стр. 81). Довольно пространно разсуждаетъ объ этомъ и св. Оеодоритъ и, между прочимъ, пишетъ: „каждую часть твари надобно разсматривать не въ отдѣльности, какова она сама въ себѣ, доискиваться же, полезна ли она для цѣлой вселенной, въ общемъ составѣ“ (Толк. на кн. Быт. вопр. 19 ч. 1 стр. 22—25 и вопр. 14 стр. 19—20).

⁴²⁾ Въ началѣ Бесѣды о „птицахъ“ Василій Великій опровергаетъ мнѣіе ма-

ныхъ. Василий Великій предварительно говоритъ вообще: „И у птицъ есть безчисленныя разности породъ... Хотя всѣ имѣютъ одно имя—птица, однако же въ нихъ много разностей величинъ, по виду и цвѣту, и также въ родѣ жизни, занятіяхъ и нравахъ столько разнообразія между ними, что нельзя и описать... Нѣкоторые (ученые) пытались составить свое именованіе птицъ, чтобы по неупотребительному долѣ и новому наименованію, какъ по клейму, можно было распознавать свойство каждой породы. И одиѣхъ птицъ называли разръзистоперыми, каковы орлы, другихъ кожейперами, каковы петухи, иныхъ плевонерыми, каковы осы, другихъ жесткоперыми, каковы жуки и проч. Но для насъ достаточный признакъ къ различенію свойства породъ—общая польза и употребительное въ Писаніи раздѣленіе на чистыхъ и не-

нахъ, утверждавшихъ на основаніи словъ: *да изведеть земля душу живу*, что сама земля одушевлена,—износить какъ бы уже находившееся въ ней, тогда какъ Давшій повелѣніе даровалъ землѣ и силу извести; изъ повелѣнія ведамъ прои-вести *и аны души животныхъ гадовъ*,— съ еврейскаго собственно „яногородашихъ“, а землѣ *душу живу* (т. е. органическое существо, которое живетъ и движется) выводитъ рѣзкое различіе духовной жизни (причастность „жизненной силы“) между земными и водными животными; говоря о различіи между душою скотовъ, составляющею „нѣчто земное“ (такъ какъ *души всякаго животного кровь его есть*, а ступившаяся кровь обыкновенно обращается въ плоть, и истлѣвшая плоть разлагается въ землю) и душою человѣка, совѣтуетъ бѣгать бредней „угрюмыхъ“ философовъ, которые не стыжались считать свою душу и душу иса однородными между собою, и говорить о себѣ, что они были нѣкогда и женами, и деревьями, и морскими рыбами“ (метемпсихозисъ или душепереселеніе,—Бел. 8 стр. 138—9).—Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшаетъ вопросъ: „почему и птицы произведены изъ водъ, какъ рыбы?— Потому, что у летающихъ съ плавающими есть какъ бы нѣкоторое средство. Какъ рыбы раздѣляютъ воду посредствомъ движения перьевъ и хвоста; такъ и птицы подобнымъ образомъ плаваютъ по воздуху на крыльяхъ“. Т. е. святишель указываетъ нѣкоторую аналогію въ устройствѣ тѣла у рыбъ и птицъ, способныхъ при помощи перьевъ двигаться въ легчайшихъ стихіяхъ—одиѣхъ въ водѣ, другихъ въ воздухѣ. (Не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, въ восточныхъ языкахъ слова *рыба* и *птица* происходятъ отъ одного корня, отъ глагола, который значитъ въ одно и тоже время и плавать и летать). Но эта аналогія идетъ еще дальше: и птицы и рыбы раскладываются одинаково посредствомъ яйца, составляющаго для нихъ вѣчто среднее между растительными сѣменами и живыми рожденіями. (Каждое зернышко рыбьей икры—почти такое же яйцо, какъ и птичье: само зернышко икры соответствуетъ желтку, а молоки бѣлку птичьего яйца).

чистыхъ“. Такимъ образомъ, не различая уже сухопутныхъ и плавающихъ, мы можемъ и птицъ „Шестоднева“ Василіева раздѣлить, опять по образу жизни и роду пищи, на неплотоядныхъ, питающихся сѣменами (чистыя) и плотоядныхъ или всеядныхъ (нечистыя), т. е. такихъ, которыя ѣдятъ все, что ни пошлось, такъ какъ инаково и устройство ихъ, приличное способу ихъ пропитанія“.

Къ плотояднымъ относятся у Василія Великаго прежде всего хищныя птицы, которыя имѣютъ острые когти на искривленныхъ ступняхъ, клювъ загнутый, полетъ быстрый, чтобы удобнѣе могли ловить добычу. Таковы: орелъ и коршунъ—дневныя, сова и филинъ—ночныя, къ которымъ причисляется и (наѣкомоядный собственно) неопырь (съ еврейскаго языка летающее въ сумерки или вечеромъ). Орелъ и коршунъ, какъ самыя хищныя птицы, не терпятъ никакой общительности, кромѣ общенія съ супругами, и любятъ жить на горахъ и вообще въ пустыхъ мѣстахъ. (Все хищныя птицы живутъ въ строгомъ бракѣ во всю жизнь.—Коршуны стараго свѣта живутъ большими или меньшими обществами, и этою особенностью правозъ они отличаются отъ другихъ хищныхъ животныхъ). О коршунахъ сказываютъ даже, что они большею частію рождаютъ дѣтей безъ взаимнаго сообщенія (?!) ⁴³⁾,

⁴³⁾ Въ другомъ мѣстѣ св. Василій Великій говоритъ, что нѣкоторыхъ животныхъ производитъ земля „я нынѣ живородящимися“, именно—кузнечиковъ „въ дождливое время и тысячи другихъ породъ пернатыхъ, носящихся по воздуху, также мышей и жабъ“, и въ примѣръ приводитъ Оивы (египетскіе), гдѣ „послѣ сильнаго дождя въ жары появляется множество полевыхъ мышей“; угри (родъ рыбъ), по словамъ его, также „образуются не изъ яйца, а изъ тины“. (Новѣйшіе ученые, согласно утверждая, что угорь не рождаетъ живыхъ дѣтенышей, но кладетъ яйца, одни считаютъ его гермафродитнымъ, другіе же, напротивъ, нормально-двуполнымъ). (Подобно этому и бл. Августинъ на вопросъ: какимъ образомъ острова, послѣ всемірнаго потопа, могли снова получить растенія и животныхъ, замѣчаетъ: „если не ангелы, или охотящіеся жители принесли животныхъ на отдаленные острова материковъ, то они должны были непосредственно произойти изъ земли“,—„О градѣ Божіемъ“ кн. XVI гл. 7 стр. 152 по рус. пер. въ Трудахъ К. Д. Академіи 1880 г., ч. III его твор.). Вслѣдъ за древними (Эликуръ, Плутархъ, Аристотель, Плиній, Лукрецій) нѣкоторые изъ новѣйшихъ естествоиспытателей также держались гипотезы самопроизвольнаго-безродительскаго зарожденія для нѣкоторыхъ первоначальныхъ растительныхъ и животныхъ формъ (*generatio aequivoca* или *spontanea*,—Ламаркъ, Бюффонъ, Бюхнеръ, К.

и при всемъ томъ бываютъ весьма долговѣчны; ибо жизнь

Фохтъ, Молешоттъ, Геккель), но лучшіе изъ нихъ вслѣдъ за Катрфажемъ (*первый* же высказался противъ мнѣнія о самозарожденіи — итальянскій врачъ Фр. Реци въ XVII вѣкѣ)—Гельмгольцъ, Тиндаль, Вирховъ и даже такіе материалисты-атомисты, какъ Чѡльбе и Бурмейстеръ не соглашались съ такимъ предположеніемъ и, напротивъ, доказывали, что вообще организованное тѣло не можетъ образоваться изъ безформенной (или неоживленной) матеріи безъ помощи форменнаго элемента, иначе—что никакія животныя ни при какихъ условіяхъ среды — воздуха, свѣта, теплоты и влажности непосредственно изъ земли или воды не могутъ произойти, а рождаются только отъ подобныхъ себѣ прототиповъ — прародителей (*generatio originaria* или *embryonalis*); даже глисты съ кишечными червями и инфузоріи размножаются посредствомъ первоначальныхъ яицъ, или почкованіемъ, или же дѣленіемъ тѣла на части, а между растеніями—водоросли, грибы и лишай—посредствомъ зародышевыхъ зеренъ (Эренбергъ, Ф. Шульце, Унгеръ, въ особенности же знаменитый химикъ Пастѣръ, побѣдоносный противникъ Пуше). Исслѣдній своими опытами надъ процессомъ развитія сибирской язвы и холеры, надъ процессомъ броженія пива и вина, по сознанію одного изъ самыхъ завзятыхъ материалистовъ—эволюционистовъ—Гексли, „ученіе о произвольномъ зарожденіи разбилъ на голову, нанеся ему смертельный ударъ“. („О причинахъ явленій въ органической природѣ“ Чтеніе III стр. 80, 2-е изд. Слб. 1867 г.) и возстановилъ древнее убѣжденіе, что *omne vivum ex ovo*—„все живое изъ яйца“. Такъ и коршунамъ для рожденія дѣтей необходимо, конечно, сообщеніе самца съ самкой. Впрочемъ относительно послѣднихъ прибавляя свое обычное „сказываютъ“, святитель ясно показываетъ тѣмъ, что передаетъ лишь мнѣніе египтянъ, считавшихъ пороку коршуновъ (вороновъ) символомъ Богини—Матери и вообще женскаго начала въ природѣ и потому думавшихъ, что въ ней дѣтъ мужскаго пола (см. Нога Аполл. I. I с. II; *Amphian Massell*. XVII 4—11). Очевидно, онъ относится къ этому мнѣнію язычниковъ безъ всякой критики, подобно ап. Варнавѣ, св. Клименту римск. и друг., желая воспользоваться имъ для своей цѣли,—именно указать въ этомъ чудесномъ явленіи природы символъ величайшаго таинства христіанской вѣры — безчуждаго воплощенія (сл. *Orig. Contr. Cels*. I, 73; Терт. Сочиненіе противъ Валентиніанъ; также Шестодн. Амврос. мед. I. V с. 20).—Кстати будетъ сдѣлать здѣсь еще много рода замѣчаніе. Въ книгѣ Бгтія говорится, что Богъ создалъ растенія и животныхъ каждое *по роду ево* (I 11—12, 21—22, 24—25) или, говоря языкомъ науки, *сообразно съ типомъ ево*. Св. Василій замѣчаетъ: „да изведутъ воды гады души живыхъ по роду. Тенерь (Творецъ) повелѣваетъ произойти начаткамъ каждой породы и какъ бы нѣкоторымъ сѣменамъ естества, а множество живыхъ твореній сокрыто въ послѣдующемъ преемствѣ, когда нужно имъ будетъ расти и множиться (Бес. 7 стр. 123)... Такъ природа существъ, подвигнутая однимъ повелѣніемъ, равномерно проходитъ и рождающуюся, и разрушающуюся тварь, сохраняя послѣдовательность родовъ посредствомъ уподобленія, пока не достигнетъ самаго конца; ибо коня дѣлаетъ она преемникомъ коню, льва—льву, орла—орлу, и каждое животное, сохраняемо въ слѣдующихъ

ихъ продолжается часто до ста лѣтъ ⁴⁴⁾... Они предузнаютъ смерть людей и безчисленными стадами слѣдуютъ за войсками, какъ бы по приготовленію оружія заключая о слѣтствіяхъ. — „А это недалеко уже отъ человѣческихъ умозаключеній“. — (Справедливо, что коршупы чрезвычайно живо и скоро открываютъ присутствіе падали при помощи сильно развитаго зрѣнія и прекраснаго обонянія, — съ чѣмъ Бремъ однакожь не вполне соглашается). Орель поступаетъ несправедливо въ воспитаніи своихъ дѣтей: выведя двухъ птенцевъ, по трудности пропитанія, одного изъ нихъ, отталкивая ударами крыльевъ, сбрасываетъ на землю и усваиваетъ себѣ только другаго ⁴⁵⁾. „Таковы тѣ изъ родителей, которые, подѣ пред-

одно за другимъ преемствахъ, продолжается до окончанія вселенной. Никакое время не превращаетъ свойствъ въ живыхъ; напротивъ, природа ихъ, какъ недавно созданная, протекаетъ вмѣстѣ съ временемъ“ (Бес. 9 стр. 159). Пужно прибавить, что самое еврейское слово *tin*, переводимое въ смыслѣ „рода“, имѣетъ очень широкое значеніе и не укладывается въ техническій научный терминъ „рода“. Оно шире его и во всякомъ случаѣ, не обнимая собою всѣ теперешніе виды и разновидности (или подвиды) растений и животныхъ, не отрицаетъ возможности постепеннаго развитія и усовершенствованія формъ,—что, какъ извѣстно, оправдывается и опытомъ.

44) Достигая полнаго развитія очень медленно — отъ шести до восьми и даже десяти лѣтъ, хищныя птицы, особенно орлы, фактически бывають чрезвычайно долголѣвны: ихъ держали въ плѣну по сту лѣтъ и убивали такихъ, у которыхъ на лапахъ были золотыя кольца съ надписями, обозначающими, что птицамъ было до 200 лѣтъ отъ роду (Лѣсная животныя — сочненіе А. Брема и Э. Росмессера, пер. съ фр. П. Стрехова стр. 180—1, 187 и 191, Сиб. 1867 г.).

45) Св. Амросій мезіланскій, защищая орла словами Моисея (Второз. XXXII 11—12): „орель носится надъ птенцами своими, разшаряетъ крылья свои, беретъ ихъ и поднимаетъ на верьяхъ своихъ“, — помогая т. е. птенцамъ слабымъ и не успѣвшимъ еще въ летаніи), говорить, что орель отъергаетъ того изъ своихъ птенцевъ, который, бывъ подвергнувъ лучамъ солнца, не держитъ себѣ истребительной природы, — внешнею остроты зрѣнія (Шестодн. егип. I. V с. 18. — Справедливо, что самецъ и самка не позволяютъ селиться вблизи себя своимъ подросткамъ птенцамъ и оттѣсняють ихъ на значительное разстояніе: имъ нужно для собственнаго прокормленія достаточно широкое поле, на которомъ они не встрѣчали бы себѣ соперничества. Съ другой стороны, они не позволяютъ своимъ птенцамъ жить въ празности: едва изучались орлята летать и добывать себѣ пищу, какъ родители выгоняють ихъ изъ ихъ гнѣзда. Съ этого времени птенцы сами должны заботиться о себѣ). Впрочемъ отринутому *царственному* дѣловому, какъ сказываютъ, замѣчаютъ св. Василій, не даетъ погибнуть простая *наибейская* птица — „орель костоломъ“, но беретъ его и воспи-

логомъ пицеты, подкидываютъ младенцевъ, или не наблюдаютъ равенства въ раздѣлѣ наслѣдства дѣтямъ“, вопреки справедливости.—Изъ ночныхъ птицъ, т. е. такихъ, которыя списываютъ себѣ пищу только ночью, сова обладаетъ особенною остротой зрѣнія, которое однакожь „помрачается, какъ скоро возсіяетъ солнце, точно такъ же, какъ у людей, упражняющихся въ суетной мудрости, весьма изощрено разумѣніе для пустыхъ умозрѣній, но омрачено къ познанію истиннаго свѣта“; а нетопырь (дикая или летучая мышь, онъ же и вампиръ) есть вмѣстѣ и четвероногое животное и птица, поддерживаемая въ воздухѣ не крыльями, а какою-то кожанною перепонкой; онъ одинъ изъ всѣхъ птицъ имѣетъ зубы и рождаетъ живыхъ дѣтей. (Летучія мыши причисляются нынѣ къ отряду млекопитающихъ *рукокрылыхъ*). Иногда нетопыря слетаются между собою наподобіе цѣпи и держатся одинъ на другомъ, выражая тѣмъ взаимную любовь и какъ бы научая насъ „общее предпочитать частному“.—Далѣе обращаютъ на себя вниманіе святителя не хищныя, но также плотоядныя или, лучше сказать, всеядныя птицы: лебеди, журавли, бусели, вороны, ласточки (наѣдкомядная) и морская птица—зимородокъ. У лебедя, какъ и у другихъ птицъ, любящихъ воду, ступни широкія и перепончатыя, чтобы удобнѣе было ему плавать по водѣ и перепонками на ступняхъ, какъ веслами, раздвигать влагу; шея у него длиннѣе ногъ, чтобы онъ, запуская ее, какъ уду, могъ доставать себѣ пищу, сокрытую въ глубинѣ. Журавли водятся стадами и любятъ жизнь общественную; они поочереды содержатъ ночную стражу,—одни спятъ, а другіе, ходя вокругъ, охраняютъ сна-

—
тываетъ вмѣстѣ съ своими птенцами. Ястребъ же, по словамъ св. Амвросія, дѣйствительно жестокъ къ своимъ дѣтямъ и отвергаетъ всѣхъ ихъ безъ различія (тамъ-же).—Не смотря на свою хищность, орелъ можетъ, при известныхъ условіяхъ, быть великодушнѣе и способнѣе къ дружбѣ,—ястребъ переноситъ или, проще, стервятникъ *только* жестокъ. Онъ буквально не щадитъ ниодного животного, съ которымъ можетъ слѣдить, даже своей подруги или собственныхъ дѣтей... Говорятъ, что, при недостаткѣ пищи, молодая омерившіяся самка пожираетъ своихъ маленькихъ болѣе слабыхъ братцевъ; это предположеніе я считаю справедливымъ.. При всемъ томъ родители очень любятъ своихъ птенцевъ и обильно кормятъ ихъ, пока они не выучатся сами добывать пищу“ („Очерки и картины изъ жизни животныхъ“ Брема и Циммермана, рус. пер. М. 1866 г.).

щихъ отъ всякой опасности. Такой же порядокъ наблюдаютъ они и въ летаньи, уступая поочереды право предводительства одинъ другому и подчиняясь избранному вождю. Подобно имъ постунають и бусели (стергъ—неясыть—бусель или бѣлый журавль—названія одной и той же птицы, подобной журавлю): всѣ они въ одно время прилетаютъ въ наши страны и всѣ, какъ бы подъ однимъ знаменемъ, улетаютъ⁴⁶). Они выказываютъ особенную заботливость о состарѣвшихся, — поучительный урокъ дѣтямъ быть „отцелюбивыми“, — согрѣваютъ ихъ своими крыльями и, обильно доставляя имъ пищу, слегка поддерживаютъ ихъ съ обѣихъ сторонъ даже во время летанья, — заботливость вопедную въ пословицу, такъ что вмѣсто: воздать за благодѣянiя говорятъ „отбуселить“. Воропа отличается особенною сострадательностью, окружая и сопровождая буселей, которымъ вороны подаютъ пѣкоторую помощь противъ непрязненныхъ птицъ, — вотъ обличительный урокъ для „негостеприимныхъ къ пришельцамъ“, — и вмѣстѣ особеннымъ чадолубiемъ, такъ какъ она слѣдуетъ и за летающими уже дѣтями, доставляетъ имъ пищу и кормитъ ихъ весьма долгое время. У ласточекъ столь слабыя ноги, что онѣ не могутъ ни ходить ими, ни ловить добычу, которую онѣ хватаютъ уже на лету, и не смотря на то ласточка „замысловато“ вьсть себѣ гнѣздо, сучьянося во рту, а вмѣсто грязи, которой она не можетъ захватить ногами, обмочивъ края перьевъ въ водѣ и обмазавъ ихъ тонкою пылью, и потомъ мало по малу слѣшивъ, какъ клеимъ, этою грязью сучья, въ гнѣздѣ своемъ выкармливать птенцевъ. Замѣчательно также, что ласточка „отъ природы имѣетъ какое-то врачебное искусство и посредствомъ его возвращаетъ здоровье гла-

46) Современные ориктологи главною и важнѣйшею причиною птичьихъ перелетовъ признають измѣненiя пищевыхъ условiй сообразно временамъ гола, различно подъ различными широтами. Замѣчено даже, что для перелетовъ различныхъ породъ существуютъ строго определенныя пролетные пути, какъ бы улицы, что ими птицы улетаютъ съ родины и возвращаются въ нее, и что существованiе этихъ пролетныхъ путей обуславливается сѣчь именно, что эти улицы суть мѣста, гдѣ осенью птица находить послѣднiй кормъ, а весной—первый. Относительно же правильности перелета руководителемъ для птицъ служатъ самыя теченiя водъ океана.

замъ дѣтей, если кто имъ выколетъ ихъ“ (?!). Не большая птица зимородокъ (алкіонъ, иначе алкиность или алкопость, рыбоядная, предвѣщающая на морѣ тишину) вьетъ себѣ гнѣздо у самыхъ береговъ моря, кладетъ яйца на песокъ и сидитъ на нихъ среди зимы (въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ), во время сильнѣйшихъ вѣтровъ, которые однакожь умолкаютъ для нея, пока она въ семь дней выведетъ своихъ птенцевъ и въ другіе семь дней выкормитъ ихъ: откуда у мореплавателей „зимородковы дни или алкіоническіе“: это — семь дней предъ зимнимъ солнцестояніемъ и столько же дней послѣ него (или около времени зимняго солнцезаворота, когда бывають кратчайшіе дни сравнительно съ продолженіемъ ночей) ⁴⁷⁾. — Къ неплотояднымъ — дикимъ или полудикимъ птицамъ, дѣлающимся ручными и смиренными, принадлежатъ: голуби, которые могутъ „жить съ людьми и въ однихъ съ нами жилищахъ“, павлинь „любитель красоты“ („когда онъ видитъ, что кто нибудь къ нему подходитъ или если захочетъ, какъ говорить, похвалиться своей красотой передъ женщинами, то, выпнувъ шею и распутивъ дугеобразно златоблестящій и усѣянный звѣздами хвостъ, съ гордою выступкой показываешь свою красоту любознательнымъ“, поясняетъ св. Григорій В—въ, — Слово 2 о богословіи стр. 41), „лукава и ревнивая куро-патка, которая хитро содѣйствуетъ ловцамъ къ уловленію добычи“ (т. е. куропатки-дикия заманивались въ западню или сѣти, будучи привлекаемы крикомъ ручной куропатки, находившейся въ распоряженіи охотника, — Сирах. XI 30), соловей, лучшая изъ птицъ пѣвчихъ, „во всю ночь не прекращающій пѣнія, когда сидитъ на яйцахъ“. (чтобы тѣмъ усиленіемъ согрѣвать ихъ и скорѣй насидывать, какъ поясняетъ св. Амвросій мед., — Шестодн. его I. V с. 24, т. е. самецъ поетъ вблизи гнѣзда въ продолженіи всего періода

47) Зимородки, — эта весьма оригинальная птица, по своей рѣдкости и скрытому образу жизни не знакомая большинству охотниковъ, — гнѣздится обыкновенно въ пещерахъ, вырываемихъ ими въ сырой почвѣ береговъ, ручейковъ или рѣчекъ. Весьма интересна и детилка ихъ гнѣздъ, которая состоитъ изъ мнѣриаль рыбьихъ костей, — остатковъ жертвъ зимородка. Эти кости такъ плотно бывають сложены, что образуютъ какъ бы родъ леешки, свободно вынимающейся изъ гнѣзда и не разваливающейся.

высидиванія яицъ самкой, увеселяя свою подругу пѣніемъ, пока она выполняетъ свои материнскія обязанности), и горлица, о которой рассказываютъ, что она, разлучившись съ супругомъ, не терпитъ уже общенія съ другимъ, но проводитъ безбрачную жизнь,—въ память прежняго супруга отказываясь отъ новаго союза (тоже самое повторяетъ и Григорій Б—въ.— Справедливо, что онѣ, какъ и всѣ птицы, живущія попарно, привязаны другъ къ другу самыми пѣжными и неразрывными узами⁴⁸⁾). — Примѣръ женамъ, какъ надобно „уважать вдовство“. —Наконецъ изъ неплотоядныхъ— собственно домашнихъ птицъ у Василія Великаго упоминаются: гуси и куры. Порода гусей особенно неусыпна; они чутко слышатъ непримѣтное другимъ, такъ что спасли нѣкогда царственный городъ (Римъ), давъ знать о непріятеляхъ. Пѣтухъ—гордъ, а куры похотливы и во всякое время предаются похоти. Домашняя птица будитъ насъ на работу, восклицая пропитательнымъ голосомъ, еще издали возвѣщаетъ о приближающемся солнцѣ, рано встаетъ съ путешественниками, а земледѣльцевъ выводитъ на жатву.

Вторую группу птицъ у св. Василія Великаго образуютъ такъ называемыя насѣкомыя („по причинѣ какихъ-то повсюду на нихъ видимыхъ насѣчекъ“ — сегментовъ, — такъ какъ и еврейское названіе орн означаетъ все вообще, что летаетъ, будетъ ли то птица, или насѣкомое, коллективно—животныхъ крылатыхъ). У нихъ нѣтъ дыханія и легкаго, но они всѣмъ тѣломъ, посредствомъ тѣлесныхъ скважипъ (посредствомъ круглыхъ отверстій, простирающихся въ дыхательныя трубочки-трахеи, эластическія, которыя попеременно то сжимаются, то расширяются), принимаютъ въ себя воздухъ. По свойственному имъ роду жизни и дѣятельности онѣ раздѣляютъ ихъ, также какъ и обыкновенныхъ птицъ, на хищныхъ и дикихъ, каковы кузнечики, осы, ядовитый скорпіонъ (изъ класса *наукообразныхъ*, яйцо—живородящій,—объясненіе см.

---

⁴⁸⁾ Всѣмъ извѣстна привязанность напр. двухъ попугайчиковъ того вида, который въ обществѣ носитъ названіе „неразлучные“ (inseparables); говорятъ, что одинъ изъ нихъ (самецъ или самка) не долго переживаетъ смерть другаго

ниже въ примѣч. 56, — пожирающій своихъ дѣтей тотчасъ по рожденіи ихъ, какъ и дѣти пожираютъ другъ друга) и особенно саранча, пожирающая цѣлыя страны и въ свою очередь пожираемая прожорливую птицею — селевкидомъ (ср. Шестодн. Амвросія мед. I. V. с. 23; см. Галена De locis affectis I. VI с. 3, — по переводу Евстаѳіа пыркомъ, — птицею близкою къ дроздамъ), на мирно — общежительныхъ, какъ напр. трудолюбивый муравей, и даже какъ бы домашнихъ, какова не менѣе трудолюбивая пчела ⁴⁹). Съ особенною подробностью онъ описываетъ два послѣднихъ вида, представляя ихъ въ примѣръ трудолюбія и мудрости. „Муравей лѣтомъ собираетъ себѣ пищу на зиму и до тѣхъ поръ не перестаетъ работать, пока не вложитъ въ свои сокровищницы достаточное количество пищи. Онъ разсѣкаетъ своими клещами каждое зерно пополамъ, чтобы оно не проросло и не сдѣлалось негоднымъ для употребленія ему въ пищу. Но если замѣтитъ, что зерна отсырѣли, онъ разсыпаетъ ихъ для просушиванья и непременно въ ведренное время“, такъ что служитъ предвѣстникомъ хорошей погоды ⁵⁰). Пчелы ведутъ

⁴⁹ Св. Василій представляетъ еще индійскаго червя „рогоносца“ или шелко-вичную бабочку, выраждающуюся изъ червя, указывая въ немъ образъ воскресенія (стр. 154).

⁵⁰ Миѣніе, будтобы муравьи (у которыхъ матокъ или „царицъ“ въ муравейныхъ бываетъ вѣсколько) запасаются на зиму пищею, признается теперь несправедливымъ; напротивъ дознано, что во время зимы муравьи бываютъ въ оцѣпенѣломъ состояніи (спячкѣ) и лежатъ кучами одни на другихъ. „Впрочемъ, говорить М. Сибирцевъ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ изслѣдованы тщательно нравы различныхъ видовъ муравьевъ, поспѣшно было бы утверждать, что нисколько видовъ муравьевъ не дѣлаетъ запаса пищи; ибо хотя, при сильной стужѣ въ нашихъ странахъ, большая часть муравьевъ остается въ спячкѣ и безъ пищи, однакожъ въ тропическихъ странахъ во время періодическихъ дождей, когда они, по всей вѣроятности, остаются въ своихъ муравейникахъ, запасъ пищи бываетъ для нихъ необходимъ. Даже и въ холодныхъ — сѣверныхъ климатахъ на ненастное время, равно какъ и для молодаго поколѣнія своего, которое, какъ показали наблюденія, весьма прожорливо и не можетъ долго оставаться безъ пищи, муравьи необходимо должны премышлять о его пропитаніи; ибо въ противномъ случаѣ для чего уносить имъ въ свои гнѣзда то червей, то живыхъ насекомыхъ, то разныя другія вещества“ („Опытъ библейско-естественной исторіи“ стр. 336—7, Сиб. 1867 г.). Но во всякомъ случаѣ, по самому устройству

жизнь „гражданственную“... Ибо у нихъ и жилище общее, и вылетъ общій, и занятіе у всѣхъ одно; а что всего важнѣе, — онѣ за всякое дѣло принимаются подъ распоряженіемъ царя и чиновачальника, не прежде осмѣливаются вылетать на поля, какъ увидѣвъ царя предпачавшимъ полеть⁵¹⁾. Пчела весьма трудолюбива и мудра; она собираетъ медъ съ цвѣтовъ, высасывая изъ нихъ ртомъ сладкую влажностъ и послѣ впуская ее въ полости сотовыхъ чашечекъ. Посему онѣ сначала бываетъ жидокъ, потомъ, сгустившись отъ времени, достигаетъ свойственной ему вязкости и сладости. Этогъ медъ помѣщаетъ она въ шестиугольныхъ и равностороннихъ пещеркахъ (шестиугольныхъ ячейкахъ), надстроенныхъ одна надъ другой въ два или три ряда (по словамъ Григорія Б—ва, — „одна на другую опрокинутыхъ и сомкнутыхъ то прямо, то подъ угломъ вмѣстѣ для красоты и прочности“), т. е. такой геометрической формы, при которой, съ крайнимъ сбереженіемъ воска, пчелы могутъ вмѣстить наибольшее количество меда (хотя по Уэймэну и Ч. Дарвину типичная форма сота

своего рта, не способнаго къ жеванію, муравьи всѣхъ вообще видовъ не могутъ грызть такіа твердая вещества, какъ хлѣбныя зерна. Когда муравей имѣетъ дѣло съ пропитаннымъ жидкостью твердымъ тѣломъ, напр. насѣкомымъ, то онъ разрываетъ его челюстями и вылизываетъ затѣмъ языкомъ сокъ, заключающійся въ его тканяхъ. Такимъ образомъ муравьи, дѣлающіе себѣ зимніе запасы разнаго рода сѣмянъ, могутъ пользоваться ими развѣ въ то именно время, когда они начнутъ проростать и получать чрезъ это достаточную степень рыхлости и мягкости. Новѣйшій проникательный, терпѣливый и правдивый историкъ муравьевъ, которому мы обязаны большею частію того, что знаемъ о привычкахъ и образѣ жизни этихъ маленькихъ насѣкомыхъ, Ньеръ Гюберъ подтверждаетъ, что муравьи обладаютъ способностью узнавать приближеніе дождя, по нѣскольکو иначе: если небо утромъ пасмурно и погода обѣщаетъ сдѣлаться дождливою, то они открываютъ выходы муравейника наполовину и закрываютъ ихъ, какъ только начнется дождь.

51) „И царь у нихъ, продолжаетъ св. Василій, не по большинству голосовъ избирается, не по жребію получаетъ власть, не по родовому преемству возводится на царство; но отъ природы имѣетъ первенство надъ всѣми, и превосходить ихъ величиною, видомъ и кротостью нрава. У царя сего есть и жало, но онъ не употребляетъ его на мщеніе“ (развѣ лишь въ наказаніе непокорныхъ пчелъ; но матка безъ милости жалитъ другихъ матокъ, присутствія которыхъ возлѣ себя не терпитъ). Что у пчелъ существуетъ монархическое неограни-

рѣдъ о осуществляется, или даже никогда не осуществляется ими)⁵²⁾.

Въ отношеніи птицъ мы могли найти у Василія Великаго достаточную уже полноту въ описаніи частныхъ свойствъ ихъ и нѣкоторый порядокъ въ распредѣленіи ихъ по классамъ и отрядамъ, иногда даже съ указаніемъ физиологическихъ отличій. Еще большую опредѣленность встрѣчаемъ мы у него въ отношеніи третьяго отдѣла животныхъ, который намъ остается описать по его „Шестодневу“ — животныхъ водныхъ. Къ этому отдѣлу животныхъ принадлежитъ все, что живетъ въ водѣ, или плаваетъ на поверхности ея, и вообще всѣ животныя пресмыкающіяся⁵³⁾. Рыбы, составляющія главнѣй-

ственное правленіе, это также не вѣрно. Напротивъ, говорятъ пчелы, и не вѣдаютъ никакой дисциплины и подчиненности; независимость господствуетъ даже въ ходѣ и распредѣленіи работъ. Улей представляетъ ассоціацію вольныхъ работниковъ, и матка, именуемая *царицею*, есть не болѣе какъ мать семейства, за которую пчелы ухаживаютъ единственно въ видахъ поддержанія своего рода (Естеств. исторія Д. Франклипа т. II стр. 430 и слѣд.). Пчелы совокупляются въ воздухѣ и на водѣ; но — замѣчательно — матка можетъ по произволу класть яйца на самцевъ (т. е. трутней — яйца неоплодотворенныя) или на самокъ (работницъ или матокъ — яйца оплодотворенныя); она снабжена для этого мускулами, которые можетъ приводить въ движеніе по своей волѣ (см. сочиненіе Р. Флуранса De l'instinct et de l'intelligence des animaux, 4 edit. p. 316).

⁵²⁾ Что касается вопроса о томъ, гдѣ и какимъ образомъ вырабатывается воскъ въ организмѣ пчелы, то, по изслѣдованіямъ французскаго зоолога (профессора гренобльскаго университета) Карла, онъ выдѣляется железистыми клѣточками спеціальной перепонки, такъ и называемой *восковой*; эта перепонка расположена между двумя другими, изъ которыхъ одна (*верхняя чешуя*) служитъ какъ бы резервуаромъ для восковыхъ отдѣленій, другая же такъ называемая *внутренняя перепонка* играетъ защитительную роль; затѣмъ воскъ собирается въ видѣ бѣловатой пленки на боковыхъ частяхъ верхней половины четырехъ послѣднихъ (изъ шести) брюшныхъ дугъ (сегментовъ) пчелы. Нашъ же отечественный изслѣдователь А. Кожевниковъ пришелъ къ такому заключенію что у пчелъ нѣтъ никакихъ спеціальныхъ органовъ для выдѣленія воска, а что воскъ вынотѣвается непосредственно слоемъ клѣтокъ, лежащимъ подъ верхнимъ покровомъ насекомаго.

⁵³⁾ Основаніе для этого заключается въ томъ, что назначеніе всѣхъ животныхъ водныхъ — „взлзать тѣло по водѣ, иначе пресмыкаться“; основаніе, какъ очевидно, невѣрное, взятое съ наглядности: „хотя нѣкоторыя изъ водныхъ животныхъ имѣютъ ноги и могутъ ходить, — особенно таковы многія изъ водоземныхъ (земноводныхъ), какъ то: тюлени (изъ отряда *ластоногихъ*), крокодилы

шій и многочисленнѣйшій классъ водныхъ животныхъ, не имѣютъ дыханія (легкихъ), чтобы втягивать въ себя воздухъ, но дышать посредствомъ жаберъ, при разширеніи и сжатіи которыхъ (кровеносными сосудами жаберныхъ листьевъ) онѣ приимаютъ и выпускаютъ воду (т. е. собственно поглощенный и растворенный водою воздухъ). По различному устройству организма онѣ раздѣляются на различные классы: на твердочешуйныхъ и мягкочешуйныхъ, черепокожихъ и мягкочерепныхъ, мягкотѣлыхъ и проч.; при томъ однѣ изъ нихъ снабжены перьями (чешуею), а другія нѣтъ. Къ черепокожимъ относятся: раковины, гребенки, морскія улитки, веретенки (иначе веретено) и разныхъ родовъ устрицы; къ мягкочерепнымъ — краббы, раки и т. п. Ракъ жадеетъ до мяса устрицы, скрывающейся въ крѣпкихъ раковинахъ, которыхъ клещи рака разжать не въ состояніи. Что же онъ дѣлаетъ? Какъ скоро увидитъ, что устрица въ безвѣтренномъ мѣстѣ съ наслажденіемъ грѣется и открываетъ половинки своего черепа солнечнымъ лучамъ, — онъ непримѣтно бросаетъ въ нихъ камень, препятствуя закрытью раковинѣ и такимъ образомъ овладѣваетъ добычею, недостатокъ силы замѣнивъ выдумкою. — „Таковъ тотъ, кто съ коварствомъ приходитъ къ брату, содѣйствуетъ невздамъ ближняго, увеселится чужими бѣдами. Бѣгай того, чтобы подражать людямъ предосудительнымъ; довольствуйся собственнымъ“. — Къ мягкотѣлымъ: слизняки (голые моллюски), полины (зоофиты, иначе протисты—животнорастенія), каракатицы (иначе морская чернильница, потому что каракатица, какъ сказываютъ, извергаетъ передъ собою черную влагу, — темнокоричневую краску, чтобы избѣжать ловца, или, скрывшись въ ней, поймать что нибудь, — Григорій Б — въ въ Рѣчи, произнесенной предъ отцами втораго собора) и другія, имѣющія плоть мягкую и губчатую. Полинь хитеръ и воровать. Онъ принимаетъ всякій разъ цвѣтъ камня, къ которому легко пристаетъ; почему многія рыбы,

изъ отряда *ястрицевыхъ*), бегемоты (изъ отряда *многокопытныхъ*), жабы и (аки; но имъ свойственнѣе плавать“ (Бес. 7 стр. 122). Теплокровныя животныя здѣсь смѣшавъ съ холоднокровными, плавающія въ водѣ съ собственно пресмыкающимися по землѣ.

плавая безъ опасенія, приближаются къ полипу, точно какъ къ камню, и дѣлаются готовою добычею хитреца⁵⁴⁾.—Здѣсь на-
ставленіе — „не уподобляться непостояннымъ и двоедуш-
нымъ лицемѣрамъ“.—Водныя животныя питаются различною
пищею. Одни питаются иломъ, другія поростами, ипыя тра-
вами, растущими въ водѣ, большая же часть пожирають
другъ друга, и меньшая изъ рыбъ служитъ нищею большей.
Всѣ рыбы снабжены весьма частыми и острыми зубами,
чтобы нища, при продолжительномъ жеваніи, не растекалась

54) Явленія *мимичности* или *мимитизма* у животныхъ, — что животныя
могутъ, по видимому, произвольно принимать цвѣта окружающихъ предметовъ,
давно извѣстны. *Физиологическая* сторона этого явленія кроется въ пигмен-
тальныхъ клеткахъ кожи, сильно сужающихся и расширяющихся и вслѣдствіе
интерференціи, или прямыхъ, отраженныхъ, цвѣтныхъ лучей, дающихъ тотъ
или другой цвѣтъ. Эти клетки связаны съ нервными аппаратами, которые, какъ
кажется, соединяются съ нервами симпатической системы. Во всякомъ случаѣ
это только небольшая и пригомъ чисто физиологическая часть явленія; въ цѣ-
ломъ же оно представляется несомнѣннымъ *животно-психическимъ* актомъ
(П. Вагнеръ).—Въ болѣе общемъ и широкомъ смыслѣ мимическая окраска жи-
вотныхъ, какъ громадныхъ плотоядныхъ, такъ и микроскопическихъ насѣкомыхъ,
—образуется поцъ вліяніемъ цвѣта то всей окружающей обстановки (среды), то
одного какого либо изъ предметовъ этой обстановки—ствѣга, листа, дерева, дру-
гаго организма; отсюда напр. вообще бѣлый цвѣтъ полярныхъ животныхъ,
желтый—животныхъ пустынь и зеленый—древесныхъ. Такъ сама природа стре-
мится отливать свои созданія въ вѣлесообразныя формы. —Василій Великій знаетъ
что со.ъ осажается изъ (морской) воды, что камень кристаллъ также превра-
щается изъ воды, а прозрачная слюда образуется между металлами, что янтаръ
(древній „электронъ“) есть отвердѣвшій сокъ растений (смола т. н. янтарной сосны),
что кораллъ есть также окаменѣлое растеніе (животно-растеніе), что драгоцѣнный
бисеръ находится въ раковинахъ устрицъ, что морскія перья (черепокожіе мол-
люски) даютъ изъ себя золотую шелковичную волю и пр. (Бес. 7 стр. 133). О
загадочномъ происхожденіи бисера или жемчуга св. отецъ выражается общо, что
онъ „лежитъ въ оболочкахъ устрицъ“, не высказывая предположеній напр. Плинія,
будтобы жемчугъ образуется изъ капли росы, упавшей въ створку раковины,
или Эліана,—отъ молніи, упавшей въ открытыя створки. И то мнѣніе (извѣстное
еще Тертуліану—см. „Объ оцѣнѣ женщинъ“ въ рус. пер. Карнеева ч. II стр.
167—8), что жемчугъ даютъ наросты на внутренней сторонѣ раковины моллюска,
происшедшіе отъ укула враждебнаго червя во время ея молодости (Реомюръ —
1717 г.), оказалось также невѣрнымъ; теперь принимаютъ, что какъ вся рако-
вина, такъ и настоящія жемчужинки образуются, при извѣстныхъ условіяхъ, изъ
нормальныхъ *перламутровыхъ* выдѣленій (известковыхъ осадковъ) епанчака (или
мантіи) полупрозрачной внутренней перепонки раковины.

въ водѣ; и многа изъ нихъ не имѣютъ жеванія, исключая развѣ скара, о которомъ это рассказываютъ. По мѣстопробыванію рыбы и вообще водныя животныя бываютъ морскія, прибрежныя, осѣдлыя и переходныя; также однѣ водятся въ глубинахъ, другія живутъ на камняхъ, инныя плаваютъ стадами, инныя же поодиначкѣ. Переходныя рыбы, какъ скоро наступитъ опредѣленное для нихъ время чадородія, какъ бы по общему совѣщанію собравшись на переселеніе, поднявшись изъ разныхъ заливовъ и побуждаемая общимъ закономъ природы, подъ однимъ знаменемъ, поспѣшаютъ (на время лѣта) въ сѣверное море, гдѣ вода холоднѣе и слаще, потому что солнце стоитъ надъ нимъ недолго и не извлекаетъ изъ него лучами всего годнаго къ питью⁵⁵). Почти всѣ роды рыбъ мечутъ икру, изъ которой впоследствии образуется въ водѣ такое же животное; но нѣкоторыя рожаютъ дѣтей живыми⁵⁶). Изъ породъ живородящихъ извѣстны св. Василию Великому: киты, дельфины, тюлени, также гнусы (изъ отряда хрящеватыхъ — *поперечно* или *широкоротыхъ* рыбъ), вьюны (иначе слизни изъ отряда костистыхъ — *колючеперыхъ*) и мокрицы (изъ отряда ракообразныхъ — *равноногихъ*). Китъ — величайшее изъ водныхъ животныхъ, равняющееся, какъ сказываютъ самовидцы, островамъ или высочайшимъ горамъ; онъ живетъ въ атлантическомъ океанѣ, какъ лежащемъ внѣ обитаемыхъ странъ, не имѣющемъ острововъ и некорабле-

---

55) Итакъ причины рыбныхъ переселеній (изъ моря въ рѣки и изъ рѣкъ въ море) — совершенно другія, чѣмъ у птицъ, именно у птицъ все клонится къ поддержанію *особи*, и онѣ переселяются главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка пищи; у рыбъ же главную роль играетъ поддержаніе *вида* и *рода*, забота о потомствѣ, и рыбъ дутешествуютъ преимущественно съ тою цѣлю, чтобы вѣрнѣе помѣстить свои яйца, икру, — для чего имъ нужны болѣе тихія и безопасныя мѣста и вода высшей температуры.

56) Обыкновенно воспроизведеніе у рыбъ, какъ, послѣ предшествовавшаго совокупленія, и у низшихъ пресмыкающихся — лягушекъ, жабъ и пр., совершается такимъ образомъ, что самецъ, плавая по икрѣ (яйцамъ), оплодотворяетъ ее своимъ сѣменемъ (молоками); но хрящеватыя рыбы также совокупляются и бываютъ яйце-живородящими, у которыхъ т. е. дѣтеныши вполне образуются еще въ яйцѣ и являются на свѣтъ живыми, разламывая скорлупу его передъ моментомъ рожденія, или во время самаго рожденія; нѣкоторыя же, напр. кольчатка, (колюшка), строятъ даже гнѣзда, зовутъ своихъ дѣтенышей и заботятся объ нихъ.

ходномъ, за которымъ нѣтъ уже никакой твердой земли ⁵⁷). О китахъ, равно какъ о дельфинахъ и тюленяхъ, рассказы-ваютъ, замѣчаетъ свититель, что они новорожденныхъ дѣтей своихъ, чѣмъ нибудь испуганныхъ, принявъ опять въ чрево, прячутъ тамъ (тоже повторяетъ и Григорій Б—въ) ⁵⁸). Драконы (изъ семейства *ящерицевоыхъ*), мурены, угри (два послѣдніе вида изъ отряда костистыхъ — *голобрюхиыхъ*, мягкоплавниковыхъ рыбъ), водящіяся въ илстыхъ рѣкахъ и озерахъ, по природѣ своей приближаются болѣе къ ядовитымъ пресмыкающимся, нежели къ рыбамъ. Ехидна, самая лютая

57) Впрочемъ есть еще большія рыбы, напр. сквилла и мена, — изъ класса ракообразныхъ, изъ отряда *ротоногихъ*, — Въ IV вѣкѣ христіанства, какъ видно, еще не подозрѣвали существованія Америки, хотя нѣкоторые находятъ свидѣтельства объ пей у самыхъ древнихъ писателей — Платона, Діодора сицил., Плутарха, Плинія, Виргилия и также у Климента римскаго и Иринея лѳвскаго (оба они говорятъ о „мірахъ“ или „странахъ“, лежащихъ за океаномъ: I Посл. къ Кор. гл. 20 и Прот. ересей кн. II гл. 28 п. 2).

58) Верис только то, что всѣ эти животныя бывають чрезвычайно привязаны къ своимъ дѣтямъ: когда напр. окопники намѣреваются напасть на *семейство* тюленей, покоющихся на ледномъ полѣ вмѣстѣ съ своими дѣтенышами, самка бросаетъ своего маленькаго передъ собою въ море, потомъ беретъ его въ переднія лапы, ныряетъ и вновь являеться съ нимъ, а покинутыхъ или убитыхъ горько оплакивають; точно также и киты — самки долго кормятъ своихъ дѣтенышей (рождад ежегодно одного только дѣтеныша, который растетъ весьма медленно), съ самоотверженною храбростью защищаютъ ихъ въ случаѣ опасности, пряча подъ одинъ изъ своихъ плавниковъ и крѣпко прижимая къ груди, и вообще отецъ и мать руководятъ, пока молодой китъ не сдѣлается совершенно самостоятельнымъ. Впрочемъ у вышеназваннаго М. Сибирцева мы прочли слѣдующее: „*Новѣйшіе* увѣряють даже, что акула — самецъ проглатываетъ въ случаѣ опасности свое дѣтище, не для того однакожъ, чтобы пожрать его, но чтобы сохранить и безвреднымъ выпустить (такіе факты признаетъ несомнѣнными и Бремъ). Это обстоятельство не объясняетъ ли отчасти возможности случая, бывшаго, конечно по изволенію свыше, съ преслушавшимъ волю Божию пророкомъ“ (стр. 297)? — Китовъ до самаго XVII столѣтія считали за рыбъ; но ученый англичанинъ Рей, жившій въ концѣ этого столѣтія, *первый* причислилъ китовъ къ четвероногимъ живородящимъ, хотя китъ, какъ извѣстно, есть собственно рыбообразное только животное, снабженное вмѣсто ногъ плавательными мясистыми перьями, и потому относится обыкновенно къ млекопитающимъ *безногимъ*, точно также какъ тюлени къ млекопитающимъ *ластоногимъ*, т. е. такимъ животнымъ, у которыхъ ноги, очень короткія, особенно заднія, оканчиваются плавательными ластами или перьями, а дельфины составляютъ лишь особый родъ китовъ, именно *зубастыхъ*.

изъ пресмыкающихся (иначе гадюка или козюлька, яйце-живородящая) для брака сходится съ морскою муреной (тоже вьюнъ или угорь, иначе еще суринамская стрѣла) и, свистомъ извѣщая ее о своемъ приближеніи, предварительно извергаетъ изъ себя ядъ ⁵⁹). — Изъ этого обстоятельства мудрый наставникъ выводитъ прекрасные уроки для супруговъ—уроки взаимной любви и вѣрности, потому что „соединеніе ехидны съ муреной есть нѣкоторое прелюбодѣяніе въ природѣ“. — Онъ знаетъ еще многихъ „страшныхъ“ рыбъ, каковы: мечи, пины, акулы, балены (изъ отряда китообразныхъ *беззубыхъ*) и молотки—изъ большихъ и пилохвость съ опаснымъ жаломъ даже у мертвой, также смертоносная пинагоръ и прилпуша (иначе прилипало),—малѣйшая рыбка и между тѣмъ останавливающая величайшіе корабли ⁶⁰).

59) Все это говорилось прежде благодаря таинственной жизни угря даже и въ научныхъ книгахъ; но теперь дознано, что угорь не кладетъ оплодотворенныхъ яицъ и не производитъ на свѣтъ живыхъ дѣтенышей, но также мечетъ икру,—именно оплодотвореніе происходитъ въ морѣ, гдѣ живутъ обыкновенно одни самцы, которые и приходятъ для этой цѣли къ устьямъ рѣкъ на встрѣчу самкамъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ.— Евреи говорили (какъ и мы впрочемъ говоримъ въ настоящее время), что змѣи жалятъ, наносятъ раны своимъ тонкимъ, раздвоеннымъ, постоянно высовывающимся и крайне подвижнымъ языкомъ (Иов. XX 16; Пс. CXXXIX 4, хотя въ то же время тѣ же евреи хорошо знали, что змѣи кусаются,—Притч. XXIII 32). Такимъ образомъ опасны ихъ ядовитые зубы, а не языкъ, который служитъ для змѣи лишь органомъ осязанія. Змѣинный ядъ,—прозрачная тягучая слюна, окрашенная въ желтоватый или зеленоватый цвѣтъ, вырабатывается въ ядовитыхъ железкахъ, помѣщаемыхъ въ верхнихъ челюстяхъ животнаго позади и нѣсколько ниже глазъ. Изъ железокъ ядъ проходитъ къ двумъ длиннымъ, острымъ и внутри пустымъ зубамъ, утвержденнымъ также въ верхнихъ челюстяхъ змѣи подъ железками. Каждый изъ этихъ зубовъ имѣетъ по два отверстія,—одно вверху въ корнѣ, другое внизу. Посредствомъ верхнихъ отверстій ядъ проникаетъ въ зубы и наполняетъ ихъ. Когда змѣя впивается въ свою жертву ядовитыми зубами, ядъ чрезъ нижнія отверстія изливается въ рану. Змѣинный ядъ, проникнувъ въ рану, влечетъ за собою гнилостное разложеніе крови. Нѣкоторыя змѣи, находясь въ разъяренномъ состояніи, выбрасываютъ часть яда прежде, чѣмъ приблизятся къ жертвѣ и вопьются въ нее.

60) Это, конечно, уже преувеличенное мнѣніе древнихъ; причину прилипанія этихъ рыбъ къ кораблямъ считаютъ то, будтобы онѣ такимъ образомъ хотятъ помочь своей неловкости въ плаваньи.—Изъ морскихъ животныхъ святитель приводитъ еще морскаго ежа, о которомъ передаетъ по слуху, что онъ, предчув-

Изъ представленнаго нами описанія вообще царства животныхъ по Бесѣдамъ Василия Великаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Не мало св. отецъ сообщаетъ намъ и научныхъ свѣдѣній о животныхъ, насколько позволялъ ему дѣлать это церковно-собесѣдовательный характеръ Бесѣдъ, эзегетико-нравственная цѣль ихъ, поставившая его въ косвенное отношеніе къ собственно научнымъ интересамъ. Но, согласно съ этою послѣднею цѣлію ихъ, онъ нечужденно болѣе даетъ въ нихъ непосредственныхъ наблюдений и практическихъ уроковъ изъ жизнеописанія животныхъ. Въ этомъ интересѣ онъ старался представлять своимъ слушателямъ лишь, такъ сказать, нравственныя свойства и такія наклонности и занятія животныхъ, которыя прямо и удобно, по своему сходству, могутъ быть приложимы къ жизни и поведенію человека, чтобы чрезъ изображеніе дурныхъ свойствъ и привычекъ животныхъ исправить подобныя дурныя свойства и наклонности въ людяхъ, а указаніемъ хорошихъ качествъ у первыхъ возбудить и въ послѣднихъ святыя чувства и желаніе преуспѣянія въ добродѣтели ⁶¹⁾; главнымъ же обра-

---

ствуя волненіе отъ вѣтровъ, всходитъ на какойнибудь значительный камень и на немъ, какъ на якорѣ, съ твердостью выноситъ бурю, давая вмѣстѣ съ тѣмъ знать пловцамъ о тишинѣ и бурѣ. (Бес. 7 стр. 131).

⁶¹⁾ Съ подобными же приемами, хотя и не съ подобными задачами, принимаются иногда за изученіе и описаніе царства животныхъ и въ наше время свѣтскіе натуралисты, какъ напр. Одюбонъ, Д. Франклинъ: „Естественная Исторія въ разсказахъ“ 1862 г. Спб. и въ особенности А. Бремъ, издававшій съ 1863 г. выпуски своего сочиненія: „Иллюстрированная жизнь животныхъ, — всеобщая исторія животнаго царства“. Бремъ обратилъ все свое вниманіе, пишетъ К. Фогтъ, на жизнь и дѣятельность животныхъ; описаніе внѣшней формы и внутренняго устройства занимаютъ мало мѣста, но малѣйшія проявленія психической жизни, поведеніе животнаго днемъ и ночью и при всѣхъ условіяхъ, которыя могутъ видоизмѣнять его существованіе, изложены особенно подробно и осязаны особенно ярко“. Въ самомъ дѣлѣ одни животныя оказываются у него честными и достойными всякаго уваженія; другія глубоко огорчаютъ его своею нравственною испорченностью; третьи приковываютъ къ себѣ его вниманіе и сочувствіе пылкостью своей фантазіи, или неистощимостью своего юмора. Словомъ подъ перомъ Брема весь міръ скотовъ живетъ, чувствуетъ, желаетъ и размышляетъ, возбуждая къ себѣ то любовь, то ненависть, то уваженіе, то презрѣніе наблюдателя. Самъ Бремъ во введеніи въ I томъ своего изданія прямо и ясно говоритъ: „Нашу цѣль составляетъ изученіе *тѣлесной и душевной жизни живот-*

вомъ, — чтобы представить въ исторіи жизни животныхъ (какъ и во всей природѣ) картину премудрости и благодати божественной, сотворившей ихъ и заботливо промысляющей объ нихъ. *Яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси!* — часто восклицаетъ Великій святи- тель словами Псалмопѣвца (Пс. СІІІ 24).

Итакъ, повторимъ еще вкороткѣ, общій характеръ „Шесто- днева“ св. Василя Великаго таковъ, что онъ не вдается слишкомъ много во внутренній строй жизни природы и жи- вотныхъ, а останавливается преимущественно на внѣшнихъ, болѣе выпуклыхъ и громаднхъ явленіяхъ природы, говорить о предметахъ ея особенно поражающихъ взоры своею кра- сотой или величиной, рѣзко замѣчательныхъ по своимъ свой- ствамъ опять болѣе внѣшнимъ. Напр. говоря о свѣтѣ, онъ, какъ мы видѣли, трактуетъ лишь о распространеніи его на землѣ, но не рѣшаетъ, что такое свѣтъ самъ въ себѣ, изъ какихъ онъ состоитъ элементовъ, какое оказываетъ вліяніе на тѣла природы. Или обращаясь къ водѣ, онъ рассматри- ваетъ ее не въ отношеніи ея химическаго состава, физиче- скихъ свойствъ и дѣйствій, но въ распредѣленіи водъ по земной поверхности, въ удивительной стройности и порядкѣ ихъ теченія. Равно и въ зоологіи животныхъ онъ останавли-

---

ваетъ и ея то мы исключительно и придерживаемся“ (стр. VII), а объясняя *эстетическій мотивъ* своей книги „О птицахъ“ (рус. пер. 1865 г. Спб.), онъ съ искреннимъ воодушевленіемъ восклицаетъ (въ предисловіи же): „Виною здѣсь прекрасная поговорка: *отъ избытка сердца говорятъ уста!* Я написалъ эту книгу изъ чистой радости и любви къ природѣ, и хотѣлъ какъ можно большому числу людей сообщить эту любовь и радость“. Какъ на дополненіе къ сочине- нію Брема, можно указать еще на книгу подъ заглавіемъ: „Гнѣзда, норы и лого- вища“ Д. Вуда (рус. пер. Н. Страхова 1867 г. Спб.), гдѣ такъ живо, граціозно и увлекательно описаны гнѣзда, постройки, норы, логовища со всѣми нравами животныхъ, со всѣми интимными подробностями ихъ образа жизни. По истинѣ не мало „трудолюбія и искусства“ показали въ своихъ наблюденіяхъ и изслѣ- дованіяхъ о жизни животныхъ и болѣе поздніе естествоиспытатели и въ особен- ности самъ знаменитый Дарвинъ; но, къ сожалѣнію, сочиненія какъ его самого, такъ и неумѣренныхъ его послѣдователей и популяризаторовъ—ultra—дарвини- стовъ именно проникнуты одностороннею материалистически-эволюціонною тен- денціей, антибиблейскимъ и антихристіанскимъ стремленіемъ—доказать, во что бы то ни стало, въ концѣ концовъ, что и самъ человѣкъ не что иное, какъ вы- родившаяся и саморазвившаяся обезьяна.

ливается больше на тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ быть поучительны для насъ или по чисто внѣшнимъ свойствамъ—красотѣ, росту и т. п., или по своей нравственной сторонѣ—особенно хорошимъ, либо особенно дурнымъ склонностямъ и инстинктамъ, мало заботясь объ анатомически-физиологическихъ ихъ отличіяхъ и поставляя наряду съ овцею и воломъ ежа и муравья, наряду съ домашними птицами—пчелу. При всемъ томъ нельзя отрицать въ „Шестодневѣ“ Василіевомъ и научныхъ свѣдѣній о многихъ и различныхъ предметахъ физическаго міра, что мы особенно старались выставить на видъ и *фактически* обличить тѣхъ, которые говорятъ, что у отцевъ церкви, помимо собственно богословскаго ученія—въ тѣсномъ смыслѣ слова, рѣшительно нечего искать и нечему учиться.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**